

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5462986>

Волшебная лампа, или Порт-кадарский детектив

Направленность: Гет

Автор: [Feuille Morte](https://ficbook.net/authors/696683) (<https://ficbook.net/authors/696683>)

Фэндом: Mass Effect

Пейринг или персонажи: ф!Райдер/Рейес (основной), м!Райдер/Пиби (второстепенный), Бейн Массани, Сидера Никс, Кима Доргун

Рейтинг: R

Жанры: Романтика, Фантастика, Детектив, Экшн (action)

Размер: планируется Миди, написано 40 страниц

Кол-во частей: 8

Статус: в процессе

Описание:

Любовная история Джеммы Райдер и Рейеса Видаля в детективных тонах: с обязательным преступлением в начале, захватывающими погонями в середине и драматическим аккордом в конце.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Джемма:

https://c2.staticflickr.com/4/3951/33968021102_d9229588aa_o.jpg

Скотт:

https://c1.staticflickr.com/3/2923/33283094514_42bbdf5429_o.jpg

«Волшебная лампа» взялась в названии неспроста — у этих двоих по маминой линии арабское происхождение. Для меня это важно, для текста тоже :)

Фик на стадии дописывания и перманентного редактирования.

ТОС

ТОС	2
Глава первая, в которой Пиби придумывает интересную игру и почти в нее выигрывает	3
Глава вторая, в которой Джемма Райдер удачно объясняет самой себе химическую природу любви	8
Глава третья, в которой Скотт Райдер идет на самое странное в жизни свидание	12
Глава четвертая, где даже Протеанин Проти недоумевает от происходящего	18
Глава пятая, пропитанная ароматами виски, кофе и весенней свежести	
Глава шестая, в которой Скотт Райдер пытается быть Шерлоком Холмсом	22 28
Глава седьмая, в которой Джемма Райдер пытается делать хорошую мину при плохой игре	35
Глава восьмая, посвященная самому обычному вечеру самого обычного контрабандиста	41

Глава первая, в которой Пиби придумывает интересную игру и почти в нее выигрывает

— Знаешь, Пок, что мне больше всего нравится в этой замечательной планете? — спросила Пиби у своей спутницы. Пок что-то неразборчиво прогудела в ответ. — Всегда можно сыграть в веселую игру «угадай, сколько трупов вон в том озере». Ты как думаешь? Я ставлю на четыре.

Потом придирчиво оглядела озеро и добавила:

— С половиной.

Пок промолчала, и Пиби в очередной раз поймала себя на мысли, что маленький ручной реликт — хорошая подруга, но команду «Бури» не заменит. Уж Ветра точно не устояла бы перед искушением ввязаться в спор и проиграла бы не один десяток кредитов. А может, и выиграла бы: интуиция у турианки была острее, чем нюх у адхи, поэтому Драк настоятельно рекомендовал ни при каких обстоятельствах не заключать с ней пари.

Холод на предгорье пронизывал до костей, и Пиби плотнее запахнула куртку. Ветер хлестнул ее по щеке — будто отвесил пощечину за внезапную сентиментальность. После недолгой недружелюбной зимы в эту часть Кадары пришла столь же недружелюбная весна. Снег под подошвами превращался в хлюпающую грязь, которая добралась уже до середины голенища и грозила в скором времени поглотить сапоги целиком. Казалось, один неосторожный шаг, и в озере станет одним промерзшим трупом больше. В любой момент Пиби рисковала промчатся вниз по склону, как ребенок — по водяной горке в парке развлечений.

— Построили убежище хер знает где, — буркнула она себе под нос. — Конспираторы хреновы.

К счастью, «конспираторы» хорошо платили за ее скромные археологические находки и вдобавок снабжали информацией, дававшей Пиби фору перед другими охотниками за технологиями реликтов. И хотя на сей раз дорога до их тайной базы стоила ей пары хорошей обуви, дружить с Коллективом все равно было выгодно. Эта дружба открывала нужные двери и помогала отвадить ненужных людей.

— Уф, наконец-то!

Оказавшись в туннеле, Пок недовольно отряхнулась от забившегося между пластинами снега. Пиби ее понимала: погода оставляла желать лучшего, а это неприятно, даже если ты не существо из плоти и крови, а всего лишь набор микросхем и железок. Она стянула перчатки и подышала на ледяные руки. Пальцы напоминали сосульки, и чувствительность не спешила к ним возвращаться. Впрочем, пещера все равно казалась на удивление уютной просто потому, что внутрь не задувал сырой ветер. Минуту Пиби простояла у входа, глядя, как далеко внизу он крутит над водой колючие вихри из льдинок. Ну чего Райдер стоило терраформировать Кадару так, чтобы на всей планете царило вечное лето? Всего лишь один крошечный подвиг в копилку великих свершений.

— Так, кажется, здесь налево... Ага... Пришли.

У ворот ее коротко поприветствовала Рысь. Она раздраженно скручивала папиросу из клочка бумаги, подозрительно напоминая книжную страницу, и каких-то мясистых листьев серо-коричневого цвета, который Драк наверняка обозвал бы не иначе как цветом пыжачьего дерьма. От малейшего прикосновения листья крошились в порошок. Не тратя времени на «добро пожаловать» и «как дела», Рысь махнула рукой, показывая направление, и вернулась к своему занятию. Кажется, день у нее не задался. Ничего удивительного, подумала Пиби. Будешь все время работать под землей — рискуешь здорово испортить себе настроение, а с таким работодателем, чего доброго, и вовсе свихнешься. Прямо как тот несчастный салирианец, бросающийся на всех, кто посмел приблизиться к его драгоценной загадочной кнопке...

Пиби помахала салирианцу рукой (тот нервно вздрогнул) и поднялась по лестнице на второй ярус, оставляя на ступенях комок грязи. Где-то внизу скреблись в клетках адхи. Судя по голодному скулежу, близилось время вечерней кормежки.

Из-за их возни Пиби не услышала за дверью шаги и налетела на какого-то здоровяка, размерами способного потягаться с небольшим кроганом. Здоровяк ругнулся и чуть не выронил кружку. Пиби уже собиралась со всей силы наступить ему на ногу — надо же смотреть, куда прешь, особенно если в тебе шесть с лишним футов роста! Но тут она подняла взгляд и обнаружила, что выросший перед ней громила — не кто иной, как ее хороший приятель Бейн Массани, может быть, единственный нормальный человек во всей этой сумасшедшей организации шпионов, конспираторов и образцовых сволочей.

Бейн работал на Коллектив примерно столько же, сколько она сама, и за несколько месяцев успел подняться до самых верхов, оставшись при этом единственным, кто не обзавелся дурацким прозвищем. Одно это уже заслуживало уважения.

— Эй, малыш, ты смотри, куда идешь. Так и расшибиться недолго.

— Сам смотри, — проворчала Пиби, потирая ушибленный лоб. — У меня из-за тебя синяк будет.

— Сказала азари, которая и так вся синяя... Ты чего забыла? Мы тебя ждали недели через три, не раньше. Неужели решила заглянуть к старому другу?

Пиби фыркнула. Бейн широко ухмыльнулся.

— Хотя дай-ка угадаю, — продолжил он. — Опять притащила боссу всякий мусор?

— Само собой. За походы в гости твой босс не платит ни кредита. Да и за релтех, признаться, не особенно. Хотя это находки, между прочим, общественной и исторической значимости.

— А ты попроси прибавку, — осклабился Бейн, подливая себе воду из кулера. Какой-то умелец нарисовал на его чашке томного ханара со знаменитой обложки «Форнакса» за

январь 2183 года. — Я вот точно попрошу. Работа пошла тяжелая.

В соседней комнате послышался шорох. Там, за стеной, кто-то скулил — наверное, очередной замученный дрессировками зверь. Пиби скривилась, вспомнив, как однажды молодой адхи, совсем еще щенок, играючи раздробил ей запястье, да так, что Лекси пришлось колдовать над ним добрых полдня (а полдня в обществе Лекси — это даже хуже, чем полторы недели последующего сращивания костей). Хотя с тех пор прошло уже больше года, она предпочла бы не знакомиться с новым питомцем Бейна. Пок гораздо симпатичнее, не говоря уж о том, что безопаснее.

Ну, если однажды не решит уничтожить всех органиков, конечно.

— Не жалеешь, что перестал охотиться на кеттов? — спросила Пиби, разжевывая обнаруженный в сахарнице кусочек рафинада. — Тебе это вроде бы нравилось.

— Скажи спасибо своей подруге Райдер — в Элее кеттов почти не осталось. Выживаю как могу.

Звуки за стеной не прекращались. Нет, подумала Пиби, звери так не стонут. Только люди.

— Бейн, ты извини, конечно, что спрашиваю, но... почему у тебя руки все в крови?

Массани допил кофе, сполоснул кружку под умывальником и поставил на выдавший виды стол, густо покрытый пылью. Затем пожал плечами и сказал:

— Я же говорю, работа тяжелая. Повязали сегодня на базе очередную ищейку. Врагов у Коллектива развелось — как клопов в старом матрасе... Но этот, видимо, особенно сообразительный. Нашел вход в логово, отключил сирену — никто даже не почесался. Потом этот клопик сломал нам два генератора, причем сломал нахер, не починишь теперь. Так бы, наверное, и не поймали его. Только стазис-ловушку Рыси он не учел.

— То-то Рысь сегодня такая напряженная. Трудный у вас выдался день.

— Если этот тип не расколется, ночь тоже будет трудная. У него, и у меня.

Массани посмотрел на часы. Перерыв на кофе истек, и чувство долга велело ему вернуться к работе. Пиби решила, что сейчас самое время улизнуть, сославшись на важные дела. Не хватало еще продолжать приятельскую беседу под аккомпанемент чьих-то криков, стонов и ломающихся костей. Но прежде чем она успела придумать уважительную причину для отказа, ноги сами понесли ее во вторую комнату, где находилась тюремная камера.

Пленник съежился на полу, как недобитое насекомое. Жалкий, сгорбленный, изуродованный. Бейну, похоже, неплохо удавалась роль палача. К счастью, полумрак не позволял разглядеть результаты его работы в деталях, и Пиби мысленно поблагодарила богиню за недостаток освещения. Она предпочитала не видеть, кого люди Рейеса пытаются в застенках, и вообще придерживалась правила «меньше знаешь — крепче

спишь» во всех делах, касающихся Коллектива. Впрочем, по отметинам на руках Бейна несложно было догадаться, что незадачливым лазутчиком оказался его собрат-землянин: ведь только у землян красная кровь.

Лазутчик попытался подняться, опершись о стену. Получилось скверно. Пальцы скользили по железной переборке, оставляя влажный след. Пиби подошла ближе. Ей стало жаль этого горе-шпиона. В чем бы ни заключалась его затея, привела она лишь к тому, что скоро к четверем с половиной бедолагам на дне озера прибавится еще один. Бейн об этом позаботится.

Бейн, в сущности, был неплохим парнем. Узнай жители Эос о том, сколько кеттов он перебил чуть ли не голыми руками, они воздвигли бы ему прижизненный памятник в центре Продромоса и подписали бы: «Наш спаситель, благороднейший из героев». Но на Кадаре благородство — роскошь, которую мог позволить себе только один человек, и звали его уж точно не Бейн Массани. Остальным приходилось выживать, а выживание начиналось с необходимости отказаться от некоторых принципов. У людей для подобных случаев существовала поговорка, гласящая, что тот, кто живет с волками, и выть должен по-волчьи.

Пиби в свое время не потрудилась уточнить у Лиама, что представляют из себя эти «волки», однако примерный смысл выражения, кажется, наконец до нее дошел.

— Да уж... — сказала Пиби, когда тишина стала совсем гнетущей. Бейн, по его словам, унаследовал от знаменитого отца всего две черты, зато обе полезные: во-первых, зеленые глаза, пленяющие женщин, во-вторых, крепкие кулаки, и уж насчет кулаков он явно не соврал. — Поработал ты над ним хорошо.

— Недостаточно хорошо. Он почти в отключке, а молчит как рыба.

— Это бывшие дружки Слоан никак не успокоятся?

— Бывшие дружки Слоан обычно готовы собственную маму заложить, едва пригрозишь им выбить первый зуб. Да их и не осталось почти, передохли все... Нет, этот покрепче. Надоело уже с ним возиться. Если бы я хотел бить морды, то устроился бы вышибалой в «Тартар».

— Это можно устроить, — услышала Пиби голос Рейеса за спиной. Очень мягкий, почти нежный: словно по позвоночнику проползла теплая мохнатая гусеница. — Но я тебя уверяю, платят там еще меньше.

Щелкнул выключатель, и свет верхних ламп резанул по глазам: яркий, как в больничной палате. Пиби обернулась.

Рейес облокотился на дверной косяк, наблюдая за ними. Он уступал Бейну в росте и размахе плеч, а вместо бронированного нагрудника носил невзрачную футболку — в общем, не производил устрашающего впечатления и даже не казался большим начальником. Но у Пиби все равно возникло то странное чувство, из-за которого она старалась не встречаться с лидером Коллектива лицом к лицу. В его присутствии она

ощущала себя глупой рыбешкой, заглатившей блесну вместе с крючком. Конечно, сейчас ей ничего не угрожало. Конечно, благодаря Райдер они считались почти друзьями. И все-таки знать, что тебя в любую минуту могут освежевать и зажарить на промасленной сковородке, было в высшей степени неприятно.

— Здравствуй, Пиби, — сказал Рейес, не пытаясь изобразить дружелюбие. — Было бы мило с твоей стороны, если бы на этот раз ты не задерживалась. Короче говоря, проваливай.

— Ты, похоже, не в духе.

Пиби и впрямь не считала себя самой большой поклонницей Рейеса Видаля в Порт-Кадаре (особенно Рейеса Видаля в плохом настроении), поэтому предпочла пройти вглубь комнаты — поближе к несчастному пленнику, свернувшемуся в луже собственной крови. Стонущий мальчишка на последнем издыхании — тоже так себе компания, конечно, но все же немного лучше, чем неприятливо улыбающийся Шарлатан.

— Я не могу быть «в духе», когда наша якобы тайная база превращается в проходной двор. Бейн, выбей из него, на кого он работает. Прибавки к зарплате я тебе не обещаю, но налить виски — налью.

— Ну, если ради виски, то я постараюсь, — ухмыльнулся Бейн. — Только не лезь под руку, Рейес. Мешаешь.

Пиби словно в трансе сделала еще два шага, опустилась на колени и протянула руку сквозь решетку. Ей пришлось взять парня за подбородок, чтобы развернуть лицом к себе. У него оказались очень знакомые каре-зеленые глаза (вернее, один глаз, потому что второй заплыл лиловым фингалом). И в тот момент, когда он узнал ее, Пиби тоже его узнала.

— Я бы на твоём месте не раскатывала губу на этот виски, Бейн, — сказала она на удивление спокойно. Голос звучал так обыденно, будто следующей фразой она собиралась предложить Рейесу и Бейну присоединиться к ней за завтраком. — Я вам и так скажу, на кого он работает. На Нексус он работает. Слушайте... Вы, конечно, крутые ребята, гроза Кадары и все такое. Но лучше бы вы его развязали, а. Это Скотт Райдер.

Глава вторая, в которой Джемма Райдер удачно объясняет самой себе химическую природу любви

К концу второго года пребывания Джеммы Райдер на просторах галактики Андромеда случилось одно весьма неприятное событие. Конечно, по масштабу и значимости оно уступало потенциальному вторжению армии кеттов, зато вполне могло поспорить с близящимся избранием директора Танна на второй срок. Отправляясь в космические дали без шанса вернуться домой, Райдер — как человек в высшей степени разумный — прекрасно сознавала, что однажды этот день настанет. Она думала, что готова. В конце концов, по сравнению с радостью исследования непознанных миров это пустяк. Так, досадная мелочь.

Но когда кофейные зерна кончились, она поняла, что готовой к подобной мелочи быть нельзя.

Следом за зернами стремительно исчез с прилавков и сублимированный кофе, оставив ее ни с чем. Конечно, в будущем она собиралась создать небольшую кофейную плантацию где-нибудь на бескрайних просторах Элея. Более того, ее об этом лично попросили и сородичи, и ангаранские дипломаты, распробовавшие диковинный напиток во время визита на Нексус. Однако сейчас приходилось заниматься более насущными и менее романтическими делами — например, попытками вырастить на Кадаре особо упрямый сорт элааденской тыквы. По крайней мере, директор Танн считал, что лучшего применения ее талантам и не придумать. Ему давно хотелось, чтобы Первопроходец убралась со станции и вместо политики посвятила себя простой и полезной сфере — скажем, ботанике. Учитывая, как редко они с Джеммой сходились во взглядах, это было мудрое решение, особенно в свете грядущих дебатов.

Не то чтобы она мечтала о политической карьере — просто директор придерживался весьма радикальных представлений о том, что показывать в новостях, каким образом распределять ресурсы и как обходиться с изгнанниками. В глубине души его мучила мысль о том, что бунтовщики не только позаимствовали и без того немногочисленные богатства Нексуса (во всяком случае, их часть), но и воздвигли с их помощью город, который — вопреки всем попыткам Инициативы колонизировать другие миры — быстро стал самым процветающим поселением на Кадаре и за ее пределами. Мало кто хотел жить на аванпостах, изучая местные почвы и разводя жидкий суп из питательных брикетов, когда в системе Говоркам подрастал мегаполис. Многие колонисты родились в столицах или на крупных космических станциях вроде Цитадели. Для них, не привыкших к размеренной сельской жизни, Порт-Кадара стала чем-то вроде земли обетованной, рая, где есть все необходимое: деньги, выпивка, фастфуд и служба романтических знакомств. Танн по понятным причинам не приходил от этого в восторг. То, что Кадара не попадала в зону контроля Нексуса и почти полностью управлялась Коллективом, вызывало у директора нестерпимый зуд.

А поскольку Джемма не скрывала симпатии к изгнанникам и с самого начала отстаивала их право на независимость, Танну она была очень неудобна. Во время сегодняшнего сеанса связи он не преминул об этом напомнить — видимо, надеясь, что ссылка пойдет Первопроходцу на пользу и что она пересмотрит свои «неправильные» гражданские

позиции. В его представлении выращивание тыкв на Кадаре мало чем отличалось от заключения в колонии строго режима. Он не подозревал, что в представлении Джеммы оно, скорее, напомнило необременительный отпуск. Она бы не получила диплом по биоинженерии, если бы боялась возиться в грязи.

Под конец сорокаминутной беседы с Танном ей пришлось сделать вид, что связь ужасно сбоит, и отключиться. Слушать новые заготовки его пламенных речей мог только человек с очень крепкими нервами.

— Я могу в следующий раз изобразить для вас помехи, — предложила Сид, ставя рядом с Джеммой горячий термос. — Чтобы перебои связи получились достовернее. Шшш, пшшш, хррррс! Похоже?

— Ох, спасибо, Сид... Осторожно, не задень пробирки, пожалуйста! А это что? Кофе?

— Кофе нет, извините, — виновато сказала Сид. — Но я слышала, доктор Накамото заваривает местные водоросли. Говорит, помогает ему продержаться смену. Вот, принесла вам.

Джемма понюхала содержимое термоса и с несколько натянутой улыбкой поблагодарила лаборантку, решив про себя, что доктор Накамото — настоящий герой, раз пьет такую бурду. Болотно-зеленая настойка выглядела неаппетитно, будто воду для нее черпали прямиком из ближайшего озера вместе с илом и тиной. Конечно, Джемма почти не спала ночью — только дремала за столом в те редкие минуты, когда эксперимент не требовал ее внимания. Но все-таки дела шли не так плохо, чтобы довольствоваться этим печальным суррогатом кофе.

Наверное, доктору Накамото приходилось тяжелее.

— Он сегодня заходил за абсорбирующим порошком, — продолжила Сид. — Вроде бы опять кто-то переборщил с «забвением». Уже третий на этой неделе... Кстати, а это правда, что вы с Ветрой разгромили наркопритон, которым заправляла Слоан?

— Не наркопритон, а лабораторию, — поправила Джемма, потерев висок. После разговора с Танном у нее разболелась голова. — Но это, как видишь, не помогло. Слоан давно нет, а «забвение» все равно попадает на аванпост и даже на станцию. Танн с Эддисон там на ушах стоят. Значит, кто-то прибрал к рукам прибыльный бизнес... Нетрудно догадаться кто.

— Да уж. А правда, что Шарлатан...

Пробирки в руках Джеммы издали мелодичный звук, ударившись друг о друга.

— Неправда.

— Я ведь не договорила!

— Почти всё, что ты слышишь о Шарлатане на Кадаре, это неправда, Сид.

Сид отвернулась. Кажется, обиделась.

Наверное, она мечтала услышать романтическую историю из уст непосредственной героини. Ее можно было понять. Но Джемма плохо представляла, что ответить на вопросы юной турианки.

Правда ли, что ты целовалась с Шарлатаном над телом Слоан Келли, распростертым в паре метров от вас со сквозным отверстием между позвонками? Да, правда (только позвонки, кажется, не задело: пуля прошла правее, оставив аккуратную черную точку на груди). Рейес еще пошутил, что «Вдова» хороша не только в том, чтобы увеличивать число вдов, — ведь накал страстей между ними она тоже увеличила по меньшей мере вдвое.

А правда, что потом ты сбежала воевать с кеттами, надеясь забыть своего ненадежного любовника, и все-таки не забыла? Пожалуй, тоже верно. Судя по напряженности этого внутреннего монолога, до «забыла» еще жить и жить, и никакие кетты не помогут: даже пристального изучения элааденской тыквы или репы будет маловато.

А правда, что воспоминания ощущаются так, словно пулю в спину получила не Келли, а ты? Ну... Конечно, если воспользоваться метафорой из дешевого романа, можно и так сказать. Талантливый писатель наверняка добавил бы к этому, что искренность ранит душу сильнее, чем металл ранит плоть, и кто знает — при таких мощнейших средствах художественной выразительности ему вполне могли присудить премию «Тессианская лазурь» за лучшую любовно-криминальную драму года. Джемма предпочла бы избегать сильных метафор. Достаточно было резюмировать, что их с Рейесом недолгая связь вряд ли могла получить счастливый финал.

А правда, спросила бы Сид под конец, что тебе предлагали руку, сердце и корону в придачу?

Вот это точно ложь.

Предлагали в основном кадарские задворки, виски и кладовку с крепкими ящиками.

Сид была очень славной девушкой — сообразительной лаборанткой, верной помощницей, хорошей собеседницей. Они вместе работали, вместе обедали и даже вместе играли в ангаранскую викторину «Десять тысяч фактов, которые вы не знали об Элее». Но делиться с ней правдой о давних событиях на Кадаре Джемме хотелось не больше, чем разговаривать с директором Танном. Дело не в том, что разговоры причиняли боль или пробуждали неприятные воспоминания. Нет. Как человек, прекрасно представляющий работу сердечной мышцы, Джемма твердо знала, что сердце ни при каких условиях не может быть разбито. Просто при мысли о Рейесе мозг все еще вырабатывал чуть больше дофамина, чем хотелось бы. Это мешало.

Удобно, когда ты не поэт и можешь объяснить самой себе несложную химию любви.

Неудобно, если с этой химией ничего нельзя поделаться.

«Ты когда-нибудь слышала выражение “Дьявол легок на помине”, Первопроходец?— раздался в голове голос СЭМа. — У тебя новое сообщение от Рейеса Видаля».

«СЭМ, ты что, осваиваешь сборник пословиц и поговорок народов Англии? —мысленно ответила Джемма. — Удаляй».

«Возможно, тебе будет интересно узнать, что упомянутое мной выражение впервые было зафиксировано в письменном виде в труде Джованни Ториано, 1666 год, и звучало оно следующим образом: “Стоит только заговорить о дьяволе, и он уже берет вас под локоть”. Очень суеверное и одновременно довольно поучительное высказывание. Однако я не советовал бы тебе удалять сообщение. На нем стоит пометка “С высокой важностью”».

«О да. Собирай их. Потом издадим сборник “История Шарлатана в любовных письмах”».

«Первопроходец, я бы не назвал это письмо любовным. — Казалось, СЭМ на мгновение задумался. — Рекомендую тебе открыть его. Рекомендую сделать это быстро».

Что же, если разум, многократно превосходящий твой собственный, настоятельно что-то советует, лучше к нему прислушаться. Может, не прямо сейчас. Может, стоит дать себе минуту-другую, чтобы спокойно посмотреть на то, как Сид рыхлит землю в контейнерах, или на то, как лаборантка Айсиль, выбежавшая из на улицу в одном рабочем халате, метит снежком своему приятелю-крогану в ухо.

Впрочем, нет. Наверное, это важно. У СЭМа нет привычки бить тревогу без причин — да и вообще никаких привычек, кроме пристрастия к озвучиванию «довольно поучительных» фактов в совершенно неподходящие моменты.

Ладно. Хотя бы полминуты она могла себе позволить.

Просто несколько мгновений, чтобы сделать глоточек тины, которую нахваливал доктор Накамото.

Глава третья, в которой Скотт Райдер идет на самое странное в жизни свидание

Место, где Скотт очнулся, походило на бедняцкую лачугу где-нибудь в трущобах Омеги.

Темная комната без окон, чужая кровать с куцым одеялом, ворох скомканных тряпок на полу — вот и все небогатое убранство. Поодаль незнакомая азари раскачивалась на стуле, оседлав его задом наперед. Из подтекающего крана назойливо капала вода. За дверью слышались приглушенные голоса, а может, гул далеких моторов. Скотт хотел подняться, но стоило ему шевельнуться, как мир подернулся трещинами и с хрустом рассыпался на куски. Голова раскалывалась, словно какой-то бандит по пьяни проделал в ней дыру размером с картофелину, а хирург-неумеха развел руками и наспех поставил заплатку: мол, невелика потеря, и так сойдет. В последний раз Скотт чувствовал себя так скверно еще дома, в Млечном Пути, после злосчастной вечеринки по случаю окончанию учебки (и даже азари там присутствовали, только менее одетые, чем эта). Отключившись на седьмом коктейле, он проснулся в богом забытом уголке станции без рубашки и левого носка, зато со здоровенным фингалом под глазом и татуировкой в виде непечатного батарианского ругательства чуть ниже спины.

И после этого твердо пообещал себе: никаких попок.

По крайней мере, никаких попок в баре «Влюбленный ханар».

По крайней мере, пока официантка бесплатно подливает каждому, кто рассказывает ей про свои военные подвиги, придуманные и нет.

В общем, некоторое время сознание Скотта цеплялось за утешительную и удобную мысль о том, что саднящая боль в налитой свинцом башке — не более чем расплата за очередное пренебрежение собственным обещанием. В таком случае таблетка аспирина могла бы кардинальным образом изменить ситуацию в лучшую сторону. Правда, в последние пару месяцев шансов переборщить с текилой у него особенно не было, а все ханары, влюбленные и не очень, остались позади на многие тысячи световых лет... А значит, теория с попойкой имела определенные недостатки.

Но Скотт отключился прежде, чем успел как следует подумать об этом.

Когда он очнулся во второй раз, та самая азари заливала ему в рот горькую микстуру из небольшой фляжки. То, что по вкусу это пойло напоминало скорее фирменный целебный эликсир доктора Т'Перро, чем антипохмельную настойку производства «Элкосс комбайн», только подтвердило его первоначальную догадку. Никакой вечеринкой и не пахло. Скотт фыркнул, оттолкнул свою сиделку и вытер рот рукавом.

Спасибо чудодейственному эликсиру — память быстро приходила в норму. Воспоминания вернулись все до единого: даже чуть больше, чем хотелось бы. Особенно хорошо Скотт помнил пудовые кулаки лысого типа из Коллектива, который чуть не превратил его в отбивную.

Настолько хорошо, что то самое батарианское ругательство пришлось очень кстати.

— Ну надо же, — удивилась азари. — Быстро ты ожил. Надо предложить Лекси запатентовать эту дрянь.

— Я тебя помню, — сказал Скотт нахмурившись. Соображал он еще плохо (мозг будто взбили в шейкере, как протеиновый коктейль), но не настолько, чтобы забыть экипаж сестриного корабля, особенно его женскую половину. — Мы как-то раз встречались на Нексусе. Ты подруга Джеммы. Пелессария, да?

— Это она меня так представила? Ну, я это ей еще припомню... Давай остановимся на Пиби. Не хочешь еще глоточек? На, держи. Вообще-то они собирались сами привести тебя в порядок, но я подумала, что забота о людях, знаешь, не самая сильная их сторона.

— Почему этот тип вообще меня не прикончил?

— Я объяснила ему, что ты — очень важная персона. Еще вопросы?

— Мы с тобой здесь пленники? Дверь заперта?

— Мы с тобой... «гости». А ты даже почетный гость, учитывая определенные обстоятельства. Но не думаю, что тебя отпустят на все четыре стороны, пока Рейес не соизволит с тобой пообщаться. Только не спрашивай, кто такой Рейес. О своем работодателе или хорошо, или никак, так что на этот вопрос я отвечать не буду, извиняй.

— То есть ты работаешь на Коллектив.

— В основном я работаю на себя, а Коллектив мне платит за игрушки реликтов, которыми я с ними по-дружески делюсь. Следующий вопрос, господин следователь?

— Хм... Насколько плохо я выгляжу?

Пиби рассмеялась. Громко. Ехидно. Голова заныла, будто по затылку ударили дубиной.

— Вот, наконец-то вопрос, который тебя по-настоящему волнует! Не переживай, ты такой же красавчик, как всегда. Только не удивляйся, если кроганки вдруг начнут присылать тебе запросы на спаривание.

— Значит, все плохо.

— Над умывальником есть зеркало, иди сам полюбуйся. И вообще тебе не мешало бы умыться и переодеться. Смотри вон, эти добрые люди даже предоставили тебе шмотье. По-моему, это вещи Бейна... Не переживай, я отвернусь. Не обещаю, что не буду подглядывать, но честное слово — постараюсь.

— Точно. Немного неловкого флирта — это именно то, что мне сейчас нужно.

— Серьезно?

— Нет.

Подходя к зеркалу, Скотт готовился к худшему. К счастью, Пиби преувеличила масштаб катастрофы: чтобы считаться завидным женихом среди гордых обительниц Новой Тучанки, пары царапин и синяков все же недостаточно. Спасибо современной медицине — следы от побоев почти не бросались в глаза. Еще немного медигеля, и через день-другой они сойдут вовсе. Правда, если Коллектив решит, что Скотту лучше покинуть эту уютную комнатку вперед ногами, красота не будет иметь ровным счетом никакого значения. А в том, что именно так все и произойдет, он не сомневался. Он не только рылся в их делах, но еще и умудрился разыскать в горах тайную базу Шарлатана. От таких свидетелей лучше избавляться сразу, как от мухи в кастрюле с супом. Разве что Шарлатан заинтересовался звучной фамилией и рассчитывает получить приличный выкуп — однако в таком случае его ждет большое разочарование.

Даже интересно — сколько Нексус согласится дать за рядового сотрудника полиции? Вряд ли Танн раскошелится просто потому, что заложник приходится Первопроходцу родным братом. Директору и Джемма не слишком нравилась, а уж про существование Скотта он если и знал, то наверняка предпочел забыть. К тому же времена, когда экономика Кадары строилась на натуральном обмене, а семена и запчасти ценились больше денег, давно миновали. Один инструментрон и три ящика помидорной рассады — такую цену Танн мог заплатить, не опасаясь, что его задушит жадность. Парочка компьютерных процессоров и небольшой запас палладия — еще куда ни шло. А вот десятки тысяч кредитов... Ужасное расточительство, учитывая прискорбное состояние государственной казны.

Скотт застегивал последние пуговицы на рубашке, когда в дверь требовательно заколотили.

— Эй, Райдер! Выходи давай.

Он обернулся и взглянул на Пиби.

— Ну, выглядишь почти прилично, — одобрительно кивнула она. — А меня, похоже, на вашу вечеринку по случаю семейного воссоединения не пригласили... Ладно, иди, не бойся, они тебя не съедят. Конечно, первое знакомство с Бейном у тебя получилось не особенно удачным, но вообще-то он душка.

Конечно, подумал Скотт. В свободное от работы время бандиты из Коллектива наверняка занимаются только тем, что снимают пыжаков с деревьев, а еще грабят богатых и помогают бедным — этакие современные робин гуды. А что в каждой третьей канаве на Кадаре можно найти если не труп, то чью-нибудь часть тела, так это пустяки. Подумаешь, труп. Подумаешь, от «забвения» у людей едет крыша. В конце концов, кто в этом дивном новом мире может похвастаться тем, что у него нет недостатков?

За дверью ждал тот самый «душка», с которым Скотт уже успел неплохо познакомиться (правда, наиболее близкое знакомство у него состоялось преимущественно с сапогами и кулаками). Дружелюбный взгляд «душки» словно говорил: испоганишь мою одежду —

урою. Скотт его почти понимал: на рубашке обнаружилась вышивка в виде голой азари, кокетливо высывающейся из кармана. Правда, по меркам Млечного Пути она вышла из моды шестьсот с лишним лет назад, но в Андромеде разбрасываться подобными вещами не стоит: в ближайший мегамаркет за новыми не зайдешь и в экстранет-магазине уже не закажешь.

«Душка» вывел Скотта из здания, и он наконец увидел всю базу Коллектива целиком — дюжину соединенных лестницами типовых бункеров с металлическими боками, отражающими рассеянный белый свет фонарей. Какой-то кроган, рыча от нетерпения, пытался поменять колесо на вездеходе. Темноволосая девушка, присев на корточки, чесала щенку адхи гребень. Две азари дымили в отдалении, болтая и хихикая. Судя по тому, что услышал краем уха Скотт, обсуждали они свои любовные приключения с ангара обоих полов. В общем, ничего примечательного — похоже скорее на маленькое шахтерское поселение на каком-нибудь отдаленном астероиде, чем на логово преступников и наркоторговцев.

Скотт некстати вспомнил, что слово «Драуллир», которым ангара называют эту местность, переводится как «пещеры смерти». Об этом ему рассказали местные в Порт-Кадаре, настоятельно советовавшие не совать нос в чужие дела и не изучать окрестности слишком пристально: никогда не знаешь, кого там найдешь... и кто найдет тебя. Жаль, он их не послушал. Будь он чуть более осторожен и чуть менее отважен, может, сейчас бы не пришлось вышагивать на встречу к какой-то крупной шишке под конвоем очаровательного знакомого Пиби.

Конвоир, судя по всему, тоже не испытывал радости от происходящего и желанием вести светскую беседу не горел. Обратился к пленнику он всего один раз, когда Скотт нащупал в штанах хрустящий вкладыш от жвачки «Галактический экспресс»: велел держать руки на виду и не шарить по карманам.

Через пять минут они пришли. Двери с шелестом распахнулись, пропуская Скотта в очередное безликое помещение, как две капли воды похоже на то, где его избili, и лишь чуть больше того, где он очнулся. Дружелюбный конвоир проводил его тяжелым взглядом, но сам остался снаружи: видимо, ему, как и Пиби, не выдали пригласительный на вечеринку.

Настороженный Скотт машинально опустил руку к кобуре — которой у него, конечно же, не было. В кармане снова хрустнул фантик.

В другом конце комнаты, ближе к окну, стоял накрытый к ужину стол. Если бы из окна не открывался безрадостный вид на все те же бункеры и тоннели Драуллира, уходящие вглубь скалы, атмосфера за счет кружевных салфеточек могла бы даже сойти за ресторанную. Не как в заведениях высокой кухни на Цитадели, конечно, но хотя бы на уровне кафе быстрого питания в доках, куда один из посетителей украдкой притащил купленное в сувенирной лавке вино.

За столом, закинув ногу на ногу, сидел незнакомец.

На большого начальника он походил не больше, чем база Коллектива — на бандитский

притон. Просто одет, слегка небрит, под глазами круги после бессонной ночи. В толпе такого даже не заметишь — невзрачный тип, коих на Кадаре пруд пруди, один из многих рядовых наемников Коллектива. Скотту, однако, было прекрасно известно, что криминальные авторитеты зачастую выглядят колоритно только в фильмах: там им обязательно полагаются роковой взгляд, сигара, кошка и полный стакан виски. Действительности это почти никогда не соответствует.

Впрочем, виски у незнакомца как раз имелся.

— А, Райдер. Отличная рубашка.

— Спасибо. Она, как можно догадаться, не моя.

Тип опустошил стакан, даже не поморщившись от количества выпитого, и поднялся Скотту навстречу.

— Рейес Видаль. — Он улыбнулся краешком рта, протягивая ладонь для рукопожатия. Похоже, решил поиграть в хорошего парня. — Думаю, говорить «приятно познакомиться» было бы довольно лицемерно, учитывая обстоятельства, но обычно я не боюсь показаться лицемерным, так что... Рад встрече, Скотт.

— Не могу сказать того же, — ответил Скотт. Замялся. Но руку все-таки пожал. — Вы мне чуть почки не отбили.

— Знаешь, мы имеем право быть недружелюбными, когда кто-то заявляется в гости без приглашения. Особенно в такое непростое время... Вино или виски?

— Виски.

— Отличный выбор. В этой галактике его не так много осталось.

Пока Рейес разливал драгоценный напиток, Скотт огляделся по сторонам. К сожалению, ничего примечательного ему обнаружить не удалось — если не считать стола и одинокого кактуса на подоконнике, комната выглядела необжитой, как будто всё, что могло выдать хоть какие-то сведения о Коллективе, было тщательно убрано вместе с мусором и скопившейся пылью. Единственным украшением служила корзина с фруктами, выращенными в садах Айи. Яркие, золотистые, они будто лучились под блеклым светом лампы.

— А для кого третий бокал? — любопытно спросил Скотт. — К нам еще кто-то присоединится?

— Одна очень важная персона.... Вот, держи. За знакомство.

Виски был, черт подери, хорош. Бархатный, пряный, с легким послевкусием сливочной ириски. В общем, не хуже, чем тот бурбон, который Скотт с приятелем стянули в четырнадцать лет из отцовского мини-бара. Скотта, правда, не оставляло ощущение, что он пьет этот напиток королей под дулом пистолета, но такой вкус стоил смертельного

риска. Наверное, стоил.

— Понимаешь ли, Скотт, в чем дело... Когда не стало Слоан Келли, мир ее праху, все преступления, которые совершаются на Кадаре, оказалось очень удобно вешать на Коллектив. И даже те, которые не совершаются. Кто-то перехватил челнок Инициативы с провизией? Первое подозрение падает на нас. Какой-то кроган выпил три лишних бутылки ринкола, пошел плавать и утонул в озере? Наверняка это Коллектив избавился от неудобного свидетеля. Кому-то хватило ума купить в подворотне разбавленный наркотик и протащить его на Нексус? Ответ напрашивается.

— А на самом деле вы славные ребята, которые не имеют никакого отношения к «забвению».

— Как бы тебе объяснить... И да, и нет. Когда твоя сестра разгромила лабораторию, где люди Келли делали «забвение», определенный запас этого вещества — с поэтичным, безусловно, названием — у Отверженных все равно остался. Потом, когда Келли пришел конец, этот запас перекечевал к нам вместе с остальным ее имуществом, включая, кстати, этот замечательный виски.

— То есть это награбленное?

— Ну, зачем же сразу так грубо... Не «награбленное», а репарация.

— Я не вижу, как это должно снять с Коллектива подозрения.

— А презумпция невиновности нынче не в ходу? Какая жалость. Райдер, у нас долгое и... ммм... во всех отношениях плодотворное сотрудничество с Инициативой. Ты думаешь, днем мы охраняем ваш аванпост, а под покровом ночи предлагаем всем желающим ширнуться?

Скотт как раз собирался сказать, что именно так он и думает, тем более что Танн недавно велел Коллективу убраться от аванпоста подальше, но тут за дверями раздался шум. Красный индикатор замигал всеми цветами радуги, как дискотечный шар, будто кто-то пытался вскрыть замок с той стороны. Рейес пружинисто поднялся на ноги. Скотт, которому виски заменил лечебную микстуру и аперитив одновременно, остался наслаждаться зрелищем. Наконец двери со скрежетом распахнулись, и на пороге показалась мускулистая фигура «душки» Бейна Массани, преграждавшая путь фигуре поменьше.

— Твоя драгоценная гостья отказалась сдавать оружие, — пробурчал «душка». — Так что пеняй на себя.

— Ну, не пристрелит же наш Первопроходец своего хорошего друга, правда? — откликнулся Рейес. По-видимому, происходящее его забавляло. — У нее была масса возможностей сделать это раньше.

— Я начинаю жалеть, что ни одной из них не воспользовалась. Рейес, какого черта случилось с моим братом?

Глава четвертая, где даже Протеанин Проти недоумекает от происходящего

Сцена, которую разыграли Рейес и Джемма, заставила Скотта почувствовать себя лишним. Они действовали слаженно, как фигурки из музыкальной шкатулки, двигающиеся под мелодию, слышную им одним. Она вернула на пояс «Фалангу» — он помог ей снять куртку, она прошла мимо — он отодвинул стул, галантно предлагая присесть, она уселась на подоконник — он предложил ей вино, а услышав отказ — наполнил бокал тягучим нектаром парипо, напоминающим апельсиновый фреш. У Скотта возникло нехорошее подозрение, что следом за курткой оказались бы сняты и другие слои одежды, не смущай он этих двоих своим присутствием. Конечно, Джемма держала дистанцию, как будто учтивость Рейеса предназначалась кому-то другому и не имела никакого отношения к ней, но даже дурак бы понял, что всё здесь, начиная с третьего бокала на столе и заканчивая лукавой улыбкой на устах гостеприимного хозяина, было заготовлено для нее одной.

Подозрительно, подумал Скотт. Очень подозрительно.

Всеобщая любимица, его почти идеальная сестра — и вдруг входит в разбойничье логово, словно к себе домой? Он ожидал увидеть кого угодно — Шарлатана собственной персоной, пыточных дел мастера, целый отряд палачей или даже главу Порт-Кадары Киму Доргун, но только не Джемму Райдер, явившуюся спасти своего непутевого близнеца.

— Я как раз объяснял твоему брату, — мягко сказал Рейес, звякнув графином о почти невидимый край бокала, — почему наше с ним знакомство получилось не слишком удачным.

— Да, и почему же это?

— Потому, что Коллектив якобы не причастен к делу, которое я расследую, — пояснил Скотт. Кубики льда в бокале таяли на глазах, и ему пришлось допить остаток залпом. — Если верить твоему другу Рейесу, они тут даже «пострадавшая сторона», вот у них и обострилась паранойя... Меня больше интересует, с каких пор у тебя такие высокопоставленные друзья, Джем.

— Стечение обстоятельств. Это что такое желтое? Похоже на грушу.

Рейес откусил от румяного бока неведомой груши и прожевал мякоть. Потом, казалось, погрузился в раздумья. Скотт подозревал, что причиной тому вовсе не гастрономические качества экзотического фрукта, а умение делать драматические паузы в подходящие моменты.

— По вкусу скорее как абрикос, — наконец задумчиво изрек Рейес. — Стечение обстоятельств, значит? Знаешь, Райдер, это почти обидно... Как и то, что твой брат до сегодняшнего дня не подозревал о моем существовании. Не то чтобы я думал, будто ты держишь мою фотографию на прикроватном столике, но о наших приключениях на

Кадаре родному-то брату могла рассказать.

— Как ни странно, — буркнул Скотт, — я с ним согласен.

— Я смотрю, вы тут подружились, — парировала Джемма. — Замечательно. Может, мне и приезжать не следовало? Скотт, я думала, что тебя тут чуть не убили! Какого черта ты вообще делал в Драуллуре? У тебя есть ордер на обыск?

— Если я буду запрашивать ордер на каждый чих...

— Понятно.

— Ну, ты, похоже, сама не особенно придерживалась правил, когда искала «приключений» на Кадаре. Думаю, ты задолжала мне объяснение.

— Может, еще скажешь — «чистосердечное признание»?

Джемма немного помолчала. Потом слезла с подоконника, едва не уронив доживающий последние дни кактус, и принялась расхаживать по комнате, оставляя на полу витиеватую цепочку грязных следов. Судя по тому, насколько она промокла, вчерашний снег превратился в проливной дождь. Широкие штаны пропитались водой чуть ли не до колена и липли к ногам, влажные волосы растрепались. Казалось, даже пучеглазый Протеанин Проти — веселый герой популярного азарийского мультика — смотрит с ее майки настороженно и грустно, не понимая, где оказался. Да уж. Проти приходилось распутывать множество сложных дел и даже сражаться с рахни, но он явно не думал, что его отправят в другую галактику и заставят общаться с боссами преступного мира. Совесть не преминула шепнуть Скотту, что он давит на сестру слишком сильно. Ей и без того несладко, а он ведет себя как следователь, допрашивающий рецидивистку: только дубинки для устрашения не хватает.

К сожалению, в семье, где отец обращался с детьми как с солдатами на плацу, а мать могла за день сказать не больше двух слов, сложновато было освоить азы более теплого отношения.

— Хорошо, вот тебе объяснение, — сказала Джемма, перестав наконец мерить комнату шагами. — Или признание, как хочешь. Я помогла Шарлатану навести порядок в городе, когда Порт-Кадара была в десять раз меньше, чем сейчас. Я стояла рядом, когда его снайпер застрелил Келли из «Вдовы», и не спасла ее, хотя могла. И да, я работала с Коллективом, потому что кому-то надо было выбрать меньшее из зол, и тогда этим «меньшим злом» был Рейес Видаль. — Рейес тихо фыркнул, отметив, что это звучит «почти лестно». — А ты думаешь, мир и порядок воцарились тут сами собой? Нет, блин, не сами, мистер Я-на-службе-закона.

— На Нексусе от передоза умерло три человека, — огрызнулся Скотт. — Потом еще несколько — на кадарском аванпосте. Их и в городе навалом, просто там никто не считает. Я бы не назвал это ни миром, ни порядком.

— Ты просто не видел, как Келли выставляла отрубленные головы на пиках.

— А ты знаешь, в каком виде я нашел вчера в трущобах один из трупов? Приди в морг в Порт-Кадаре, посмотри.

Наверное, Скотт бы еще долго обменивался с Джеммой взаимными упреками (уж если в чем они достигли мастерства, так это в искусстве семейных ссор), но тут, перебив их деликатным покашливанием, вмешался Рейес:

— Мы можем помочь друг другу. Я хочу найти того, кто распространяет «забвение», не меньше, чем вы. Пусть у меня более корыстные мотивы, но цель у нас одна. Кто бы это ни был твой злоумышленник, Скотт, он провернул у Коллектива под носом аферу, которую я не должен был пропустить... и все-таки пропустил. Мы с Кимой не собирались заниматься наркоторговлей. Это, понимаете ли, плохо сказывается на репутации.

А когда ловишь вора за руку, подумал Скотт, это сказывается на репутации просто замечательно. Особенно если потом эту руку показательно отрубишь в назидание всем остальным.

— Не собирались, но запас «забвения» не уничтожили, — заметила Джемма. Она была сильно ниже Рейеса и выглядела перед ним как птичка, замершая перед мангустом. Желтый шарф, разрисованный фиалками, придавал ей сходство с нахохлившейся синицей. — Хотя могли бы, раз такие благородные.

— Это все равно что получить в подарок набор крапленых карт и выбросить их на помойку просто потому, что не планируешь делать карьеру профессионального шулера. Благородно, красиво и очень глупо.

— Вот как раз шулер из тебя вышел бы отличный.

— Давай не будем скатываться на оскорбления раньше времени. Так что скажешь? У тебя есть СЭМ и крутой сканер в придачу. Если вы со Скоттом поможете мне найти виновного, все будут в выигрыше. Правосудие восторжествует, Коллектив избавится от конкурентов, Шарлатан вернет себе доброе имя, мы с тобой отлично проведем время, как в старые добрые времена... Сплошные плюсы.

— С ума сойти, какое заманчивое предложение. А кладовка с крепкими ящиками входит в этот рекламный пакет?

— Если хочешь.

Для Скотта каждое слово Рейеса было как скрежет гвоздя по стеклу. Он предпочел бы получить еще несколько пинков от «душки», нежели смотреть на этот нелепый флирт, который мало чем отличался от брачных танцев пыжаков в разгар весеннего сезона.

— Да господи, хватит клеить мою сестру! Или я не пожалею эту бутылку и тресну тебя по башке, Видаль.

— Всё-всё, закончил, — Рейес поднял руки в знак капитуляции и сделал несколько шагов

назад, так и не прикоснувшись к Джемме, хотя в какой-то момент его ладонь почти легла на ее плечо. — Виноват. Эта бутылка мне очень дорога... Меньше, чем твоя сестра, но все-таки дорога.

— А ты серьезно думал, что я соглашусь? — спросила Джемма, скрестив руки на груди.

— Опять работать на тебя? После того, чем все закончилось в прошлый раз?

— Ну, надеяться-то можно. А что, зря?

— Зря.

Скотту казалось, что Рейес, услышав отказ, велит бросить их в казематы — ведь должны же быть у Коллектива казематы, где томятся поверженные враги, неосторожные конкуренты и любимейшие из друзей? Но Рейес только выразил свое глубочайшее сожаление относительно того, как неудачно все сложилось, и посоветовал Скотту впредь осторожнее исследовать драуллирские пещеры — да и порт-кадарские подворотни тоже. Джемме же он так поцеловал костяшки пальцев на прощание, что сразу захотелось проверить в его благие намерения и искренние чувства, а не в то, что он хочет слопать ее с потрохами, как зазевавшуюся синичку.

Впрочем, одним из исключительных достоинств Джеммы считалась ее рациональность. Она даже в детстве не пыталась погладить диких зверей в зоопарке, здраво рассудив, что так можно остаться без пальцев. Она была не из тех, кто сует руку сквозь решетку прямо зверю в пасть, и Скотт это знал, как прекрасно знал и то, что из младшего поколения Райдеров лишь один не мог похвастаться благоразумием — он сам. И все-таки он едва удерживался от того, чтобы выпытать у сестры все подробности ее близкого знакомства с Коллективом, а потом велеть раз и навсегда забыть дорогу в это гиблое место — дорогу, которую она знала слишком хорошо.

Он понимал, что будет выглядеть таким недалеким строгим братцем, запрещающим сестре-пастушке бегать на сеновал к сыну деревенского конюха. Но абсолютно ничего — ничегошеньки — не мог с этим поделать.

Глава пятая, пропитанная ароматами виски, кофе и весенней свежести

За дверями никого не было, и даже Бейн Массани куда-то исчез. Считалось, что Шарлатан вполне способен присмотреть за бывшей подругой сам, без своры охранников и соглядатаев. И хотя ее старый знакомый Массани придерживался иного мнения на этот счет, слово босса оставалось законом. Удивительно. Джемме всегда казалось, что Рейес очень много болтает и очень мало работает, но каким-то образом ему удавалось сохранять власть и приумножать свое влияние. Пожалуй, директору Танну следовало взять у него несколько уроков по управлению персоналом — пригодилось бы в привычной на Нексусе политической кутерьме. Правда, в Порт-Кадаре знать не знали про избирательную систему, составление предвыборной программы и пиар-кампанию.

Нож под ребро, пуля в спину — вот и вся кампания.

При каждом шаге из-под ботинок взметалась пыль. Где-то высоко гудела вентиляция, забирая свежий воздух с поверхности.

Времена, когда от каждого булыжника на планете несло серой, давно прошли. Сейчас в логове Коллектива пахло только дождем и влажной землей, как в дедушкином саду. Но после этого странного свидания на троих — закончившегося, к счастью, — ее преследовал совсем другой запах. Крепкая выпивка. Кожа. Машинное масло. Словно она побывала не на романтическом ужине, а в ремонтной мастерской, где техники-работяги пьют всю смену напролет, лишь изредка находя минуту-другую, чтобы покопаться во внутренностях списанных шаттлов. Даже ее любимый шарф теперь пах виски. Скотт, пока по части алкогольных напитков, мог учуять в этом аромате оттенки сливочных ирисок, засахаренной вишни и дубовой бочки — или что там полагается чувствовать искусственным знатокам подобных вещей. Она чувствовала только обжигающий спирт, а на тыльной стороне ладони — такое же обжигающее прикосновение.

Наверное, жест Рейеса был призван продемонстрировать его трепетное отношение к прекрасной даме — и, вне всякого сомнения, безупречное владение полным спектром рыцарских манер. К сожалению, фокус не вполне удался. Он долго держал наполненный льдом стакан, и пальцы стали слишком холодными. В итоге то, что задумывалось как нежное касание, подозрительно напоминало металлическую хватку наручников.

Остальное Рейес просчитал лучше. Он наверняка знал, что она примчится к брату на максимальной скорости, которую только способен выдать «Кочевник». Что откажется работать с Коллективом над делом о «забвении». Что после этого будет вспоминать их встречу еще несколько дней — и, может, согласится на новую. Он вообще вел себя с женщинами, как Алек Райдер — с вражескими войсками: решительно отрезая им пути к отступлению. Только отец, конечно, при этом не раздевал взглядом ни турианскую пехоту, ни батарианских пиратов: к концу сражения все они обычно оказывались мертвы, а не взяты в плен и брошены на не особенно-то чистые простыни.

Так что если бы Джемму спросили про десять наиболее раздражающих черт Рейеса, она бы обязательно включила в перечень замашки ловеласа: сразу после нелепого

каталонского акцента и любви к жонглированию словами. К счастью, ассортимент его романтических уловок она давно изучила и теперь даже осмелилась бы заявить, что на ней они больше не работают.

— А Шарлатан не будет против того, что его люди нас так легко отпустили? — раздался за спиной настороженный голос Скотта.

— Не будет.

— Дай угадаю. Потому что твой приятель Рейес — это он и есть?

— Ну нет, Скотт. Если хочешь продолжать допрос, то сначала зачитай мне мои права и все такое. Начни, пожалуйста, с права хранить молчание. Я им немедленно воспользуюсь.

— Может, еще и адвоката позовем?

Джемма не ответила и ускорила шаг. Она не знала, на кого злилась больше. То ли на брата, нехстати решившего погеройствовать. То ли на головорезов Коллектива, щедро одаривших его ссадинами и синяками. А может, на Рейеса, который позволял себе благородные поступки так легко, будто они ничего ему не стоили — и будто облагодетельствованный вовсе не обязан отплатить ему той же монетой. По крайней мере, пока не обязан.

— Стой! погоди! — окликнул Скотт, отставший от нее на целый лестничный пролет. — Извини. Рабочие привычки.

— Это не рабочие привычки, а чувство юмора у тебя дерьмовое, дорогой братец.

Эхо подхватило ее голос и унесло вверх, под своды пещеры. Джемма остановилась, дожидаясь брата, и запрокинула голову. Среди каменных отростков, свисающих с потолка, шелестели крыльями местные подобия летучих мышей — чешуйчатые полуслепые ящерицы.

— Почему ты отказалась?

— А ты хочешь сотрудничать с Коллективом? Мы еще можем вернуться. Уверена, нас примут с распростертыми объятиями.

— Особенно тебя... Нет. Я хочу найти того, кто продает «забвение» нашим людям, а не помогать криминальному синдикату избавляться от конкурентов.

— «Криминальный синдикат» звучит солидно. Рейес был бы польщен.

— Ты ему веришь? В смысле — что это не они распространяют «забвение».

Джемма задумалась.

— Верю, наверное. Я понимаю, что у тебя остались не самые приятные впечатления от знакомства с Коллективом... Я чуть с ума не сошла, когда узнала! Но Рейес и Кима сделали много хорошего для Кадары. Когда мы сюда прилетели, тут не было ничего, кроме нескольких грязных баров, десятка покосившихся лачуг и одной-единственной лавки с краденым оружием. И это в городе. А за кордоном вообще каждый выживал как мог. Ты читал «Повелителя мух»?

— Это такая нудная книжка, где какие-то жуткие дети поклонялись мертвой свинье? Я читал пересказ в экстранете. Или фильм видел.

— Ну вот, это было почти как в фильме. Только кетты вместо свиней.

Кажется, подумала она, если Рейесу понадобится представлять его интересы на суде, достаточно будет позвать меня. Я расскажу про то, как трущобы благодаря Коллективу превратились в жилой квартал, а жилой квартал начал разрастаться в мегаполис. Про то, как бездомных по приказу Шарлатана пускали в ночлежку, а голодных два раза в день кормили супом. Наконец, добавлю, сколько денег уходило на лекарства для клиники доктора Накамото. Суд присяжных растает, как мороженое в солнечный день, и вынесет оправдательный приговор. А что единственный святой на Кадаре вдобавок ко своим многочисленным добродетелям вор, убийца и паталогический лжец — так разве это имеет значение?

Нет, Рейес и Кима, пожалуй, действительно не распространяли «забвение».

Они просто прибрали к рукам залежи волшебной пыли, изобретенной доктором Накамото, и решили придержать ее до того момента, пока Порт-Кадара не встанет на ноги. Эти двое относились к своему королевству слишком бережно, чтобы позволить пока еще немногочисленным поданным подсесть на местный аналог кокаина. Ну а если кто-то решил опередить их на пару лет и заработать кредиты уже сейчас — Коллектив найдет этого умника и разберется с ним, причем легко обойдясь без помощи детективного агентства «Райдер, Райдер и СЭМ».

У ворот охраны тоже не было. Все, кто обычно караулил вход в убежище Коллектива, расположились чуть поодаль, устроив нечто вроде пикника. На огромных ящиках, содержимое которых оставалось для Джеммы загадкой, разложили бутерброды и расставили пластиковые стаканчики (похоже, внутри плескался кофе, и не какая-нибудь болотная жижа, а арабика темной обжарки). Саларианец жевал что-то, что подозрительно напоминало сушеных мух. Рысь курила самодельную сигару, зажав между зубами кончик. Сидевшая рядом Пиби помогала ей свернуть вторую самокрутку.

— Ну как ваше романтическое свидание? — поинтересовалась Пиби.

— Плохо.

— Я не тебя спрашиваю, а его, — Пиби кивнула на Скотта. — Бейн жаловался, что самый лучший виски опять достался не ему... С тобой-то, Джем, все ясно. Ты девушка строгих правил, тебя одним виски не соблазнишь.

Джемма вдохнула терпкий запах арабики.

Если шайтан решил испытать ее, то выбрать кофе своим орудием с его стороны было слишком уж жестоко.

Остаток пути до «Кочевника» они с братом проделали молча. Под ногами мелькнул похожий на кошку зверек — и скрылся в норе. Хромированные панели и диски вездехода покрывала бурая глина. Там, куда грязь каким-то чудом не попала, зажигались и гасли искры закатных лучей. Джемма отвлеклась от созерцания собственных ботинок и подняла взгляд. Солнце тлело между облаков над острозубой грядой скал, похожее на недобрый глаз чудовища, наблюдавшего за людьми из своего логова далеко позади горных хребтов. Не зря светило этой системы назвали в честь кроганского вождя, известного потомкам под неблагозвучным прозвищем Говоркам. Недавно она прочитала целый талмуд сказаний, повествующих о его приключениях и кровавых подвигах (так, легкое чтение на ночь), и теперь ей казалось, что более меткого названия и не придумать. По утрам звезда мало чем отличалась от земного солнца — сонная, ласковая, умытая, она поднималась над приземистыми зданиями аванпоста, чтобы согреть озимые посевы и разбить кружево льда на лоскутной поверхности озер. Кадара давно уже не напоминала ту опасную планету, которую не смогли приручить ангара и которая чуть не убила несколько тысяч изгнанников. Вода стала пригодна для питья, город — для жизни. Экосистема под воздействием технологий реликтов менялась на глазах. Монолиты перемалывали ее, как жернова перемалывают зерно, чтобы оно годилось в пищу. И только с наступлением ночи возвращалось неприятное чувство, что этот мир не рад неожиданным гостям.

Чем больше она думала о реликтах и их наследии, тем больше ей казалось, что участники Инициативы пришли в эту галактику как нищие — с протянутой рукой, и если бы не милость загадочных джаардан, нищими бы и остались.

Вездеход послушно открыл передние двери. Джемма попробовала стряхнуть с ботинок комья суглинка — тщетно — и плюхнулась на водительское сидение.

Скотту в детстве всегда дарили корабли и машинки, а ей — микроскопы и инструментроны из серии «Юный исследователь». Он считал себя знатоком транспортных средств и прекрасным водителем, причем даже после того, как в семнадцать его на несколько месяцев лишили прав за вождение в нетрезвом виде. На одном из последних семейных ужинов, когда мама была еще жива, Скотт даже хвастал, что после полугода службы стал прекрасно управляться с «Мако» модели М35 — одной из самых норовистых армейских машин. Однако подружиться с «Кочевником» эти навыки ему не помогли. На первой совместной вылазке он всю дорогу жаловался, что на «Кочевнике» нет пулемета, чтобы отвадить диких зверей (намеревающихся перекусить одинокими путешественниками в столь привлекательной серебристой скорлупке). Потом, заломив лихой вираж, братец решительно съехал в заполненный чавкающей тиной кювет. После того случая Джемма предпочитала не пускать за руль своей машины менее опытных водителей. Она одна знала все повадки вездехода: и утробное урчание мотора, и поскрипывание шестиколесного привода на отвесных склонах, и сбои радара, если тот долго не калибровало — чем обычно занималась Ветра, потому что турианцы обладали особыми дарованиями в этой области. Нет, конечно, Скотт мог довести их до аванпоста в

целости и сохранности, к тому же она чертовски устала, а он после фирменной микстуры Лекси был на удивление бодр, но...

— Джем, ты что, за рулем засыпаешь?

Джемма зевнула, прикрыв рот рукой. Скотт был прав — глаза у нее слипались. Обратная дорога казалась мучительно долгой. К счастью, впереди уже виднелись типовые бункеры аванпоста, похожие на детальки разбросанного по земле детского конструктора. Вдоль дороги тянулись линии электропередач. Стремительно сгущались сумерки, и только развешанные на вышках фонари, излучающие накопленный свет, позволяли не сбиться с пути. Хотелось скорее добраться до той комнатухи, которую она теперь называла домом, найти для брата запасной матрас и упасть лицом в подушку, оставив тяжелый день позади.

Чужой запах — виски и густого дыма сигарет Рыси — почти выветрился. Скотт, к счастью, не заводил новых разговоров о Шарлатане и не пытался клещами вытащить из нее подробности их предыдущих встреч, чтобы задокументировать для рапорта все случившиеся на этих встречах поцелуи: начиная с количества и заканчивая качеством.

На качество она пожаловаться не могла, но детали предпочла бы оставить при себе.

На контрольно-пропускном пункте «Кочевник» остановили. Охранять аванпост давно уже было не от кого, но паранойя директора Танна в последнее время стала сильнее обычного, а вместе с ней усилилась и охрана. Правда, службу несли офицеры едва ли старше самой Джеммы — высокий бородач Кейси Освальд, про которого шутили, что он один съедает добрую половину выращиваемой на Кадаре провизии, и его приземистая подруга Клара Хадсон. Кейси, похоже, как раз дожевал бургер и теперь вытряхивал крошки из бороды. Рыжие волосы Клары полыхали в ночи не хуже факела.

Джемма открыла дверь и прыгнула с подножки. Земля все еще была вязкой из-за разбушевавшейся погоды. Она так чавкнула под ботинком, будто мечтала проглотить Джеммину ногу по самую лодыжку.

— Какие-то проблемы? Ребята, это же я.

— Да я вижу, что ты, — смущенно пробормотал Кейси. — Тут у тебя одной такой «Кочевник»... Клара, ты ей скажи! Она все-таки Первопроходец... Может, можно как-то поделикатнее...

— А чего тут деликатничать? — нахмурилась Клара. Она задумчиво почесала переносицу, словно хотела соскрести с нее веснушки, и решительным шагом направилась к Джемме. — Закон есть закон.

Скотт тоже выбрался из вездехода и положил руку сестре на плечо. По выражению его лица Джемма поняла, что брату происходящее явно не нравится. В такие моменты он выглядел копией отца: нахмуренный, серьезный и готовый отчитать каждого подчиненного за малейшее отклонение от протокола.

— В чем дело? — осведомился он.

— Мне очень жаль, — буркнул Кейси.

Клара набрала побольше воздуха в легкие, словно собиралась нырнуть с вышки в воду.

— Джемма Райдер, вы арестованы за хранение и распространение наркотических веществ, — сказала она решительно. — У вас есть право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. У вас есть право не...

— Засуньте пятую поправку себе в задницу, офицер Хадсон, — оборвал ее Скотт. — Черта с два вы арестуете мою сестру.

Глава шестая, в которой Скотт Райдер пытается быть Шерлоком Холмсом

По экстранет-каналам Млечного Пути крутили великое множество детективных сериалов, и в каждом из них жизнь обычных полицейских выглядела на редкость захватывающе. Они боролись за справедливость, наказывали злодеев и возвращали на истинный путь злодеек, зачастую соблазняя их тех и других в процессе. Неудивительно, что у Скотта, выросшего на элькорском ремейке «Шерлока» и современной адаптации «Места преступления», сложились довольно романтические представления о службах правопорядка. Когда Тиран Кандрос предложил ему работу, будущий офицер Райдер представлял круг своих обязанностей примерно таким же, как на экране. Следить за выполнением законов, расследовать преступления, наказывать плохих парней — короче, лучше не придумашь, особенно если тебе всего двадцать три и ты неисправимый идеалист с шилом в заднице.

Действительность оказалась немного грязнее, чем показывали в кино, и значительно скучнее, и все-таки Скотт, поработав на Кандроса больше года, уходит с занимаемой должности не спешил. Романтических представлений у него поубавилось, зато энтузиазма по-прежнему хватало на десятерых. Он успел получить парочку повышений, личную благодарность начальства на фирменном бланке, новый пистолет серии «Палач» и неприлично долгий поцелуй от ангаранской бизнес-леди, чей муж был убит при странных обстоятельствах во время дипломатического визита на Меридиан. В общем, всё шло хорошо. Всё шло лучше некуда.

Пока его сестра, гордость семьи и надежда Инициативы, внезапно не оказалась среди тех самых «плохих парней», которых он собирался сажать за решетку.

И пыжаку ясно, что в такой ситуации первым делом следует взять себя в руки и сделать непроницаемое лицо. Несомненно, настоящий профессионал — какой-нибудь хладнокровный коп с горячим сердцем, звезда экстранета и кумир молодежи, — именно так и поступил бы. Но Скотту еще только предстояло научиться хладнокровности, поэтому первым делом он, разумеется, посоветовал офицеру Кларе Хадсон взять поправку о правах и засунуть в задницу.

— У нас есть приказ, — отрезала Хадсон, оборвав поток возражений. — Так что это вы, офицер Райдер, засуньте себе свои претензии туда же.

— Вы не можете брать людей под стражу без моего ведома. Что здесь вообще происходит? Я расследую торговлю «забвением» на Кадаре как уполномоченный представитель службы безопасности, и я...

— Раз так, пора вам, господин уполномоченный представитель, познакомиться с вашим новым начальством, — хмыкнула Хадсон. — Полковник Оливер Берг. Прибыл сегодня днем. И, по-моему, он не особенно в восторге, что вы сутки не выходили на связь.

Скотт тут же проверил пропущенные вызовы, проклиная себя за идиотизм. Вот тупица! Он думал о чем угодно — о любовных приключениях сестры, о странной татуировке Пиби,

о том, как славно было бы заехать «душке» Массани по самодовольной роже, — но не о том, что мог провалиться в отключке достаточно долго для того, чтобы на Нексусе хватились своего оперативника и забили тревогу.

Пока он ругал себя последними словами, Хадсон заставила Джемму сдать инструментрон и табельное оружие. В отличие от ее приятеля, мнущегося неподалеку, Хадсон явно нравилось способствовать правосудию. Дурацкая шутка про то, что Джемме стоит обратиться к адвокату, внезапно перестала казаться мало-мальски смешной. Скотт прекрасно знал, что система правопорядка в Андромеде работает как механизм, который пытались собрать по устаревшей на сотни лет инструкции и бросили на середине. Откуда здесь взяться подкованным адвокатам, следователям и судьям? Даже предписанная протоколом фраза «пожалуйста, проследуйте с нами в участок» не имела никакого смысла. На кадарском аванпосте не имелось полицейских участков, не говоря уж о следственном изоляторе.

В общем, дело дрянь.

— Не переживай, — попытался утешить сестру Скотт. — Мы во всем разберемся. Это какое-то недоразумение.

— Я не переживаю, — откликнулась Джемма. — Потому что не имею к «забвению» никакого отношения. Ну, если не считать того памятного случая, когда я собственноручно уничтожила лабораторию Слоан Келли. Или вам, офицер Хадсон, это ничего не говорит?

— О да, я читала рапорт, — с усмешкой ответила Хадсон. — Очень складная история, особенно та часть, где ты забираешь формулу доктора Фарент, хотя она умоляет этого не делать, потому что Отверженные ее прикончат... Но что там произошло на самом деле — это пусть полковник Берг разбирается.

— Ладно, — Джемма развела руками. — Отлично. Я хотя бы могу с ним поговорить, с этим вашим полковником?

— А мне нужны копии материалов дела, — твердо прибавил Скотт. — Надеюсь, вы в курсе, что обязаны их предоставить? Если вы такие поклонники закона и порядка, давайте соблюдать ваши любимые законы до конца.

— Этим уже не мы будем заниматься, — извиняющимся тоном сказал Освальд. Уверенности в нем не прибавилось, но плечи он все-таки распрямил: видимо, ему отчасти передан боевой настрой подруги. — Запрашивайте всё у полковника.

На руке у Хадсон замигал инструментрон — видимо, ее вызывало начальство. Уже совсем темнело, и оранжевые контуры устройства светились настолько ярко, что стало больно глазам.

— Да, сэр... Да, задержали, — ответила Хадсон неслышимо собеседнику в наушнике. — Все в порядке. Привести ее к вам? Тут еще ее брат... Скотт Райдер, да. Хорошо, поняла вас. Мы уже идем.

Джемма держалась молодцом, хотя по ней было видно, что она устала и не горит желанием разбираться с нелепыми обвинениями. Дайте мне одеяло и подушку, говорило ее лицо, и я хоть в тюрьму ради них сяду. Умение сохранять спокойную доброжелательность в любой ситуации, унаследованное от мамы, играло ей на руку. Понятно, почему бедный офицер Освальд так смущался из-за необходимости арестовать Первопроходца. В глазах рядовых участников Инициативы она выглядела героиней, у которой разве что нимб над головой не светится, и если уж кто из обитателей Кадары заслуживал безоговорочного доверия, так это она.

Правда, Скотт имел возможность убедиться, что репутация бывает обманчива: ведь на того, кто входит в убежище Коллектива словно к себе домой, его сестра походила ничуть не больше, чем на профессионального наркодилера. А уж ему-то казалось, что он знает ее как облупленную — лучше, чем собственное отражение в зеркале! Кто в здравом уме мог предположить, что Джемма Райдер имеет отношение к обратной стороне местной политики и дружит с самим Шарлатаном?

Впрочем, дружба — сильное слово. Это еще вопрос, есть ли у Шарлатана друзья.

Не прошло и двух часов после того, как Джемма отказалась ему помогать, а расторопная полиция уже готова обвинить ее в преступлении, в котором до недавнего времени все, начиная с самого Скотта, подозревали Коллектив. Что это — наказание, демонстрация силы или какая-то хитрая игра? А может, просто несчастливое стечение обстоятельств? Ведь подставлять Джемму бессмысленно: это не избавит Коллектив от настоящего соперника и не остановит производство «забвения». Разве что Шарлатан не простил ей отказа... Но он попрощался с ними довольно мило и не производил впечатления человека, планирующего изощренную месть бывшей подружке. Наоборот, казалось, что Джемма занимает пусть небольшое, но особое место в его сердце.

Хотя есть ли у Шарлатана сердце — тоже хороший вопрос.

Офицер Хадсон вела их по утопающему в темноте аванпосту, освещая дорогу инструментроном. Почти нигде не горел свет. Электричество, дома стоившее гроши, здесь считалось ценным ресурсом, и его берегли. В прорехах между облаками виднелись крупные звезды. Спрятавшись в прошлогодней траве, выводило рулады местное подобие сверчка.

Джемма за всю дорогу не произнесла ни слова. Скотт догадывался, о чем она думает. Все возможные теории трещали по швам. Во-первых, хромала мотивация, и непонятно было, зачем Шарлатану обвинять Первопроходца в чужом преступлении. Разве что отвести подозрение от себя — но на Кадаре наверняка есть и более удобные козлы отпущения... Во-вторых, агенты Коллектива никак не могли определить «Кочевник» и добраться до аванпоста так быстро, чтобы сфабриковать доказательства и поднять на уши полицейских. Пары часов на такую замысловатую аферу не хватит. В-третьих, даже если допустить неприятную мысль, что кто-то из местных работает на два лагеря и вполне мог подбросить Джемме наркотики, какой же скотиной надо быть, чтобы до подобного додуматься? Как ни странно, Рейеса Видаля — с его-то очаровательной улыбкой и лучшим виски в галактике — считать скотиной совершенно не хотелось.

А если кто-то на Нексусе мечтает избавиться от Джеммы и заполучить должность Первопроходца? Нет, тоже бред. В теорию заговора верить хотелось еще меньше, чем в виновность Рейеса. Да и толку от этой красивой должности, какая от нее выгода? Поселения Инициативы процветают, кетты давно убрались восвояси. Все подвиги, которые только может совершить человек в новой галактике, его сестра уже совершила и теперь выращивала на Кадаре то ли картошку, то ли репу. Сомнительное удовольствие.

Оставался вариант с каким-нибудь заклятым врагом, затаившим после этих «подвигов» смертельную обиду, однако и он звучал не особенно правдоподобно.

Наконец они пришли.

Скотт плохо знал аванпост и не сразу понял, куда привела их Хадсон. Он сообразил, где они, только когда электронное табло над дверями сообщило: «Рождество Тейт. Мэр Дитеона». В других обстоятельствах Скотт бы поинтересовался у своих спутников, почему у такого важного человека такое дурацкое имя, а потом пошутил бы про Гринча, но сейчас ситуация не располагала к упражнениям в остроумии. К тому же он знал, что мистера Тейта нет на Кадаре — пару дней назад он отправился на Эос с дружеским визитом, о чем не раз упоминали в новостях (видимо, визит символизировал дружбу поселений, единство народов и прочие общественные ценности).

Выходит, полковник Берг, любимец офицера Хадсон и временный начальник Скотта, не преминул воспользоваться отсутствием мэра и превратил его кабинет в свой собственный. Он явно чувствовал себя в своей тарелке, раз решился на такое. Скотт заранее не питал к полковнику симпатии. Что ни говори, а большие шишки с большим самомнением — не самые приятные люди во вселенной.

На стуле рядом с дверями сгорбилась турианка в медицинском халате. Увидев возглавляемую офицером Хадсон процессию, она вскочила и кинулась к Джемме.

— Ох, Райдер! Мне очень жаль. Я пыталась отправить вам сообщение, хотела предупредить, но они заблокировали канал связи. Ничего не понимаю. Я просто пустила их в лабораторию, я не думала, что...

— Что они там нашли, Сид?

Сид понурила голову.

— «Забвение». Один пакет в ящике рабочего стала, вскрытый... И еще два запечатанных — в сейфе, где хранится запас химических реагентов. Никто и слушать не захотел, что это не ваше.

— А откуда, по-твоему, взялись эти пакеты? — хмыкнула Хадсон. — Фея-крестная оставила, что ли? К этому сейфу есть доступ у трех человек на всем аванпосте, включая вас с Райдер. Лучше иди к себе, Сидера, пока тебя не привлекли как соучастницу.

— Хватит вести себя так, будто ты прокурор, а мы на скамье подсудимых, — одернула ее Джемма. — Что бы вы ни нашли, ни Сид, ни я не имеем к этому отношения.

Едва слышно прошелестев, открылась дверь. На пороге кабинета выросла темная фигура.

— Об этом, мисс Райдер, позвольте судить мне.

У полковника Берга был сухой, лишенный эмоций голос. Таким, подумал Скотт, хорошо зачитывать судебные приговоры. Ни сочувствия, ни гнева, ни удовольствия от своего маленького триумфа — только профессиональная вежливость, отточенная годами службы.

— Офицер Райдер, с настоящего момента вы отстранены от расследования, — продолжил Берг. — Впрочем, судя по вашему виду, вы занимались чем угодно, только не им.

Скотт сообразил, что на нем по-прежнему рубашка с кокетливой азари, посылавшей воздушные поцелуи всем присутствующим, начиная с полковника. Ну и что? Подумаешь, рубашка! Чем бы он ни занимался в последние сутки и как бы ни был одет, полковник не должен отстранять его от дела. Скотт не преминул ему об этом сообщить.

— Вы не имеете никакого права...

— Насколько мне известно, имею, — равнодушно произнес Берг. — Как заинтересованное лицо вы не можете принимать участие в деле против вашей сестры. Офицер Хадсон присмотрит за вами... и за Сидерой Никс тоже. Я хочу поговорить с обвиняемой наедине, без свидетелей.

— Знаете, я тоже хочу поговорить с вами наедине, — сказала Джемма с иронией. — Просто жду не дождусь.

— Тогда прошу, — он жестом пригласил ее в кабинет.

Одна из ламп жужжала, точно насекомое, спросонья бьющееся о стекло, и отбрасывала на присутствующих странные изломанные тени. Джемма оглянулась на брата. Растрепанная, уставшая, в грязных до колена штанах и потертой куртке, она казалась беззащитной сироткой из детской сказки, которую великан сейчас зажарит себе на ужин. Но взгляд у нее оставался твердым, и Скотт знал, что полковник скорее подавится кушаньем, чем наестся до отвала.

— Все будет хорошо, Скотт.

Не будь позади такой отвратительный день, Скотт бы ей даже, возможно, поверил.

Хадсон осталась у входа, будто считала своим долгом охранять полковника от опасной преступницы. Спина у нее была выправлена как по линейке. Сид нервно мерила шагами коридор. Воцарилось гнетущее молчание. Хотя за стенкой слышались голоса, Скотту не удалось разобрать ни слова. Берг мог выдвигать его сестре обвинение, мог вести допрос, а мог непринужденно беседовать о погоде, и пускай вероятность последнего стремилась

к нулю, по доносящимся звукам нельзя было сказать ничего конкретного.

Скотт понял, что еще немного — и он в лучшем случае присоединится к Сид в ее нервном хождении туда-сюда, а в худшем — выломает дверь и украсит мужественное лицо полковника не менее мужественным кровоподтеком. Мысли скакали с одного на другое. Кто и зачем мог подставить Джемму? Как докопаться до правды, если его отстранили от дела? В лучшем случае Кандрос даст ему другое задание на Кадаре, благо эта планета изобилует преступниками всех мастей. В худшем — велит возвращаться на Нексус, и Джемме придется отдуваться самой.

Полковник Оливер Берг производил впечатление жестокого и собранного человека. Вполне возможно, он быстро разберется в ситуации и найдет настоящего преступника. Только сумасшедший поверит, что Первопроходец в свободное от научной деятельности время приторговывает «забвением». По крайней мере, именно это пытался внушить Скотту голос разума. Однако разум никогда не был его сильной стороной. Там, где сестра полагалась на логику, он полагался на интуицию, и сейчас интуиция твердила, что Берг сволочь. Причем, скорее всего, сволочь изрядная. Что-то мешало Скотту принять выверенный образ строгого и справедливого полковника за чистую монету. Что именно? Поди разбери; может, просто голос у него на редкость паскудный.

Лампа все еще противно жужжала, сбивая с толку. Скотт со злости пнул скамейку, предназначавшуюся для посетителей, и бросил, что выйдет подышать. К счастью, Хадсон не стала его останавливать.

Выйдя на улицу, он обнаружил, что Дитеон окончательно погрузился в темноту. Время перевалило за полночь. Дорогу до Порт-Кадары, петляющую среди скал, освещали лишь редкие кляксы фонарей. В некоторых бункерах светились одинокие окна, да и те гасли одно за другим, пока зажженными не остались лишь два: одно — в местной лечебнице, другое — в кабинете мэра. За ним виднелась широкоплечая тень полковника Берга.

Скотт вспомнил, как допрашивал на прошлой неделе воришку-салаарианца, стянувшего со склада шахтерскую взрывчатку. Как выяснилось, он продал ее на Элааден, чтобы расплатиться с долгами. Его приятель грозился сломать ему правую руку, если не получит деньги. Пришлось сломать бедняге левую — иначе воришка, дрожа от страха, покрывал бы своего клиента до тех пор, пока тот не применил бы взрывчатку по назначению и не стер с лица земли половину элааденского аванпоста.

Это в Млечном Пути расы Совета могли похвалиться гуманной системой правосудия.

В Андромеде для гуманности пока не находилось места.

Конечно, перелом послужил благому делу. Полиции удалось поймать покупателя и предотвратить новое преступление. Но стоит ли рассчитывать, что полковник будет вежлив и обходителен во время допроса, если и сам Скотт не отличался разборчивостью в методах?

Салаарианец после этого демонстративно ходил в гипсе две недели.

Разговор Берга и Джеммы затягивался. Скотт успел прокрутить в голове добрую дюжину разных предположений. Самое неприятное по-прежнему гласило, что кто-то подбросил наркотики по приказу Шарлатана. Самое безумное — что они и в самом деле принадлежали его близняшке, решившей подзаработать на карманные расходы. Ему тут же стало стыдно за эту мысль. Чепуха, конечно. С другой стороны — Джемма, как и все Райдеры, умела преподносить сюрпризы, и из-за ее сюрпризов он уже успел хлебнуть в жизни отборного дерьма...

От размышлений Скотта отвлекло новое сообщение.

«Наш общий друг Бейн очень огорчен пропажей любимой рубашки, — писала Пиби. Он будто услышал ее голос над самым ухом: жизнерадостный, звонкий и очень приятный. — Но я считаю, что ты имеешь полное право ее не возвращать. На тебе она смотрится лучше».

Даже сейчас, несмотря на обстоятельства, подмигивающий смайлик чудесным образом умудрился поднять Скотту настроение. Он улыбнулся. А потом, через долю секунды, улыбка вдруг спала с его лица — в окне кабинета он увидел, как тень полковника Берга занесла руку над меньшей тенью — тенью его сестры, — и мгновенно сорвался с места.

Глава седьмая, в которой Джемма Райдер пытается делать хорошую мину при плохой игре

На столе мэра, заваленном всяким хламом, выстроились в ряд снежные шары с достопримечательностями земных городов. Джемма разглядела под облаками серебряных крупинок Лондон, Прагу, Нью-Йорк. Очень сентиментальное украшение — и в то же время очень остроумное, если тебя зовут Рождество Тейт и ты вот уже полвека не устаешь придумывать новые шуточки на эту тему. На стенах висели постеры всех пяти фильмов про Бласто. По соседству с ними красовался аляповатый детский рисунок с кеттом и тремя салирианцами, устроившими пикник под ярко-зеленым солнцем выдуманной планеты. Полковник Берг в такой нелепой обстановке походил не на сурового следователя, готовящегося вести допрос, а на папашу, который поднялся в комнату своего безалаберного чада, чтобы надрать ему уши.

Если бы Джемма не знала, что за человек стоит перед ней, то даже улыбнулась бы — мол, мы с вами прекрасно понимаем, в какую глупую ситуацию попали, — но она помнила Берга слишком хорошо еще по Млечному Пути, и трюк с улыбкой, даже вымученной, ей не удался.

— Добро пожаловать на Кадару, господин прокурор, — сказала она Бергу в спину, когда двери захлопнулись.

Тот замер, глядя в черный проем окна, и даже не обернулся.

— Сама узнала? Или всемогущий компьютер в голове подсказал?

— Сложно забыть человека, который вел дело против моего отца.

Минувшие годы добавили Бергу благородной седины и почти не оставили новых морщин — только горестная складка у рта стала глубже. Зато на щеке появился большой неаккуратный рубец, словно от виска к губам прошлись зубилом, намереваясь раскрыть череп. Может, поэтому Скотт его не узнал? Одно дело — прокурор в дорогом костюме, совсем другое — изуродованный шрамом вояка в безликой военной форме.

Впрочем, жизнь Райдеров успела так перемениться за последние годы, что события четырехлетней давности давно потеряли яркость. Всё казалось потускневшим, как фотокарточки из маминого архива: потрепанные лоскутки бумаги, чудом сохранившиеся с доисторических времен. Неудивительно, если Скотт вычеркнул визиты в суд из памяти и никогда к ним не возвращался. Эти были непростое время для их семьи, и все справлялись с последствиями так, как умели. Скотт, например, после судебного разбирательства пропал на полгода и не присылал даже писем. Джемма предпочла халлекс. Мама спряталась в свою болезнь, как в раковину, и больше прежнего замкнулась в себе. Лишь отец выглядел так, будто ничего не происходит. Ему всегда блестяще удавалось делать хорошую мину при плохой игре.

— Вспомнила, значит, — бросил Берг, соизволив наконец взглянуть на нее. — У твоего брата, похоже, не такая хорошая память.

— Я думала, ваша криокапсула повредилась при первом столкновении со Скверной. Мне говорили, что повреждения необратимы.

— Неужели ты наводила справки? Я растроган.

— Я Первопроходец. Это мой долг — знать состояние всех пассажиров на Гиперионе, — ответила Джемма. И язвительно добавила, не удержавшись: — Даже тех, которые похоронили папину карьеру.

— «Первопроходец»! Как гордо звучит это слово, верно? Красивый и почетный титул. Надеюсь, ты не забыла, какой ценой его получила. Он твой только потому, что Алек поставил жизнь своей дочери выше жизней других людей.

Полковник не предложил Джемме сесть, поэтому она воспользовалась креслом, не дожидаясь приглашения. Внутри тоскливо всхлипнули железки. Мэр всегда жаловался, что на кресле любит покачаться его ассистент Займон, и жаловался, похоже, не зря: под весом молодого крогана хлипкая конструкция действительно начала приходить в негодность.

Джемма коротко вздохнула. Хорошая мина при плохой игре, значит?

— Вижу, вы тоже наводили справки, прокурор Берг, — сказала она. — Все еще не можете справиться с обидой?

Она думала, что Берг взбеленится, но он только дернул желваками и продолжил свою проповедь:

— Твоему отцу многое сходило с рук. В представлении Альянса он был прекрасным солдатом, талантливым ученым. Этаким человек будущего, на которого стоит равняться. А что этот «человек будущего» плюет на законы цивилизованного общества — разве это имеет значение? Даже Совет Цитадели практически восхищался им. Никто не хотел судить гения. Алек Райдер должен был отправиться в тюрьму на долгие годы... А вместо этого получил свободу, почетную должность Первопроходца и роскошную каюту на «Гиперионе».

— Мир несправедлив, сэр. Это не новость.

Джемма чуть было не спросила, уж не роскошная ли каюта стала предметом зависти полковника, но вовремя прикусила язык. Не стоит дразнить медведя, особенно если он голоден после долгой спячки.

— Я позабочусь о том, чтобы сделать его справедливее, уж будь уверена.

— И начнете свой крестовый поход с меня просто потому, что я вам не нравлюсь?

Берг громыхнул ящиком и бросил на стол два надорванных пакета. Из них посыпались сверкающие кристаллы грязно-розового цвета, похожие на заготовленный для коктейлей

клубничный лед. Среди снежных шаров мэра Тейта россыпь «забвения» смотрелась почти празднично — словно еще одна декорация для близящейся вечеринки.

— Хочешь сказать, это не твое?

— Разумеется, не мое! То, что вы обнаружили «забвение» в моей лаборатории, еще не дает вам право обвинять меня в преступлении, которое я не совершала.

— Доступ в лабораторию ограничен. Вряд ли кто-то кроме тебя и твоих немногочисленных подчиненных мог хранить там наркотик. Вопрос в том, кто из вас это был? Но поскольку мы нашли на пакетах отпечатки пальцев, Райдер, ответ напрашивается сам собой.

Он провел инструментроном, и оранжевое свечение подчеркнуло на пакетах невидимые глазу рисунки. «Джемма Э. Райдер, — услужливо подсказала возникшая над ними голографическая справка. — Первопроходец. Двадцать четыре года». Остальные сведения были написаны настолько мелким шрифтом, что Джемма ничего не разглядела, но похоже, досье полковник Берг собрал богатое. Прокурорские привычки давали о себе знать.

— Слушайте, это пакеты, в которых мы храним реагенты, — нетерпеливо пояснила она. — За время работы я оставила свои отпечатки на десятках таких же, если не сотнях. Сомнительное доказательство. Зачем мне вообще торговать «забвением»? Ради денег? Лучше поищите своего виновного среди отступников, которым едва хватает на жизнь. Среди местных преступных группировок, которые зародились еще при Келли. Я тут при чем?

— Ты тесно связана с одной из этих «группировок». Насколько мне известно, тебе и раньше приходилось оказывать им определенные... услуги.

— Коллектив — не преступная группировка. Они наши союзники. Или вы забыли, как они помогали нам победить кеттов?

— Даже директор Танн признал, что сотрудничество с ними было вынужденной мерой. Конечно, Коллектив будет опекать нас, пока Шарлатану это выгодно. Пастух тоже заботится о тех овцах, которых к осени отправит на скотобойню.

— Да вы прямо поэт.

В обществе Берга хваленая фамильная рациональность, передававшаяся в семье Харлоу из поколения в поколение, отказывала Джемме. Здравый смысл терпел поражение в битве с типично райдеровским упрямством, причем поражение сокрушительное.

— Когда у тебя в прошлый раз были проблемы с наркотиками, Алеку удалось тебя отмазать. У него было достаточно денег и влияния, чтобы помочь своей золотой девочке, у которой обнаружили небольшой запас халлекса. Он очень заботился о вас, да? Найти теплое место для сына, защитить от обвинений дочку, вытащить с того света жену...

Ну, вот и до истории с халлексом дошли. Хорошее досье, полковник, bravo.

— Оставьте папу в покое. Вы живы, он умер. Считайте, вы выиграли. Поздравляю! Теперь осталось только меня посадить в тюрьму. Только в Андромеде нет тюрем, господин прокурор, и нет ресурсов, чтобы содержать заключенных.

— О том, чтобы это изменилось, я тоже позабочусь. Не думай, что тебя ждет всего лишь безобидное изгнание на Кадару. Но ты можешь уменьшить срок заключения, если сдашь своих поделщиков. Это ведь им ты передала формулу, украденную у доктора Фарент?

— Я передала ее доктору Накамото. Спросите у него сами.

— Не далее чем час назад господин Накамото поведал мне совершенно другую историю. Ты сказала ему, что уничтожила формулу вместе с лабораторией... Но торговля наркотиком после этого прекратилась лишь на время. Значит, ты либо оставила формулу себе, либо передала ее Шарлатану. Директор Танн будет весьма огорчен, когда об этом узнает. Надо же — его любимица отправляется в тюрьму.

Тут полковник заблуждался. Скорее, директор будет весьма и весьма рад таким известиям. Времена, когда Инициатива отчаянно нуждалась в герое-Первопроходце, прошли. Теперь, по мнению Танна, она нуждалась в людях, способных объединить ее под одним флагом, а преступников и изгнанников вернуть в семью и заставить работать «на благо общества». Берг отлично подходил на роль объединителя. Слово «тюрьма» в его устах звучало так сладко, будто он мечтал исключительно том, как поллучше ее обустроить. С таким восторгом дети обустривают кукольные домики — только Берг вместо того, чтобы планировать мебель для игрушечных пупсов, представлял себе зарешеченные камеры, гауптвахты и маленький прогулочный дворик под охраной двух дюжин дрессированных адхи. Фантазия о том, как по этому дворику вышагивают столь насолившие ему представители семейства Райдеров, закованные в наручники, доставляла полковнику, по всей видимости, особое удовольствие.

Говорил ли он вообще с доктором Накамото? И что тот сказал на самом деле? Впрочем, это вряд ли имеет значение. Система правосудия в Андромеде по сравнению той, которая действовала в Млечном Пути, — все равно что скрипучая телега по сравнению со скоростным комфортабельным шаттлом. Несовременный, варварский механизм. Она, конечно, худо-бедно исполняла свое назначение, но интересы обвиняемых никто не отстаивал, а правоту обвинителей редко ставили под сомнение. Если Берг захочет прикрыть знаменем закона личную месть, вряд ли кто-то сумеет ему помешать. Возможно, он даже искренне уверен в собственной правоте. А поскольку у Инициативы нет ни адвокатов, ни судей, разубедить его будет некому. Избалованная дочка далеко не безупречного героя — разве не прекрасный кандидат на очередное «баловство» с наркотиками?

«Учитывая несовершенство существующих в Андромеде институтов правопорядка, — услужливо подсказал СЭМ, — я оцениваю твои шансы быть оправданной как тридцать семь к шестидесяти трем».

«Да ты оптимист, — усмехнулась Джемма. — Вот полковник оценивает их как один к

девяносто девяти».

«Рекомендую тебе самостоятельно провести расследование. Я попытаюсь получить доступ к личной базе данных Оливера Берга, а также к записям видеокамер. Ты должна просканировать свою лабораторию для изучения улики».

«Как? Он на меня сейчас наручники наденет».

«Найди способ. Это важно».

— Ты что-нибудь хочешь добавить в свое оправдание? — Берг навис над сидящей в кресле Джеммой. Прямо как над заключенной, прикованной к электрическому стулу, подумала она, едва удерживаясь от желания отпихнуть его. — Назвать имена?

Контакты?

— Нет. Но я хочу кое-что спросить.

Берг склонился еще ниже. Она чувствовала на лице его дыхание.

— А когда *вы* назовете свои контакты? Как вы будете объяснять на суде, что первым делом решили перевернуть вверх дном *мою* лабораторию?

Губы полковника скривились. Он выпрямился, пнув подлокотники Джемминого кресла так сильно, что лязгнули ножки, и отвернулся. Короткий злой смешок, вырвавшийся сквозь зубы, походил на тьяканье варрена. Следующие несколько секунд полковник изучал плакаты на противоположной стене, совершенно безразличный к обвиняемой.

Потом снова повернулся к Джемме и с размаху влепил ей пощечину.

— Я не разрешал тебе задавать вопросы.

Дальше все случилось быстро. Она вскочила, повалив кресло, и оттолкнула Берга так, что он, не ожидавший от беззащитной девушки отпора, отлетел к столу. Один из хрустальных шаров — Нью-Йорк — соскользнул на пол и разбился вдребезги. Следом слетели несколько планшетов и горшок с чахлым ростком гортензии. В отличие от брата, любившего почесать кулаки, Джемма не чувствовала себя уверенно в драках, но отец учил давать обидчикам сдачи, а она хорошо помнила отцовские уроки. Правда, Берг был сильнее и крупнее, поэтому потасовка длилась недолго. Он обозвал ее дрянью, схватил за волосы и впечатал лицом в стену, раскроив бровь. Джемма, кажется, выкрикнула, что так этого не оставит, или что он за это поплатится, или что-то в том же духе, но к тому моменту, когда она выпалила конец своей патетической фразы, за ее спиной уже сомкнулись оранжевые дуги наручников. Она лихорадочно дернула запястьями — но созданное инструментроном поле держало крепко, не хуже металла.

Когда Берг выволок ее в коридор, держа за шкурку, как нашкодившего котенка, Сид охнула. Офицер Хадсон потянулась к пистолету. Откуда ни возьмись появился взмыленный, тяжело дышавший Скотт. У Джеммы после удара звенело в ушах, так что она запомнила происходящее плохо. Крики, топот, ругань — все это слилось в сплошную

какофонию, которая прекратилась только тогда, когда Берг швырнул заключенную в чулан и запер дверь. Она всхлипнула, прижавшись затылком к переборке. По лицу текла кровь. Рядом гроыхнула и рухнула на пол швабра; в углу проснулся и зажужжал готовый к работе робот-уборщик.

Одно было ясно — это действительно чулан.

Глава восьмая, посвященная самому обычному вечеру самого обычного контрабандиста

Когда в импровизированном офисе Рейеса Видаля раздался звонок, давно миновала полночь.

Порт-Кадара, конечно, в столь поздний час и не думала засыпать — она гудела сутки напролет, не зная усталости, и не видела снов с тех самых пор, как «Песня Краллы» впервые открыла двери всем желающим, а над одним из домов кто-то водрузил рекламный щит, обещающий самые меткие пистолеты на просторах Элея. Эта ночь, шумная и пьянящая свежестью, мало чем отличалась от предыдущих. Город переливался тысячами огней — одинокий оплот цивилизации среди стылых степей и оскалившихся гор. Устремляя вверх медленно подрастающие небоскребы, он пытался походить на настоящий мегаполис, одетый в броню из стекла и металла, как его старшие сестры — Иллиум и Омега. С улицы сладко тянуло безобидной местной дурью. Мимо со свистом проносились машины, объезжая новенькую дорогу. Из ближайшего бара высыпала на улицу развеселая компания ангара, отмечающих национальный праздник: не то день урожая, не то очередную годовщину независимости от кеттов. Вдали кто-то смачно разбил бутылку и, не сильно расстроившись по этому поводу, загорланил песню — популярный хит времен рахнийских войн, что-то про «жучиные глаза» и «смертоносные жвалы любви».

В общем, Порт-Кадаре было не до отдыха, а значит, и Рейесу Видалю тоже.

Однако звонка в такое время он не ждал и уж тем более не думал, что с ним вдруг, среди ночи, свяжется брат его прекрасной дамы (Джемму приходилось величать именно так: ведь она не была Рейесу возлюбленной, а Кадаре — принцессой, и все привычные титулы — девушка, подруга, любовница — ей одинаково не шли).

Рейес отложил в сторону планшет с последним донесением Кимы и принял вызов. Инструментрон шумел и плевался помехами, как старое радио: ни слова не разобрать. Чтобы расслышать хоть что-нибудь, Рейес поднялся и захлопнул оконную створку: неугомонный уличный певец затянул припев рахнийского шлягера по третьему кругу, причем старательнее обычного. Окно хищно клацнуло челюстью, и стало гораздо тише. Впрочем, связь все равно оказалась чудовищной. Динамик хрипел, словно на последнем издыхании. Похоже, Скотт решил поиграть в шпиона и воспользовался чужим каналом, чтобы никто не отследил звонок (и совершенно напрасно: нет ничего предосудительного в том, чтобы позвонить простому контрабандисту Рейесу Видалю, коротающему вечер в совершенно непримечательном здании посреди Порт-Кадары).

— Прости, что? — переспросил Рейес, различивший несколько слов, и то преимущественно бранных.

Изображение дрогнуло, распавшись на горстку цветных пикселей, и снова обрело четкость. Скотт набрал побольше воздуха в легкие и повторил:

— Что ты знаешь об аресте моей сестры?

Ругательство, которое он к этому присовокупил, потонуло среди шорохов и скрипов.

Скотт тяжело дышал, как после кросса по пересеченной местности, и явно боролся с собой, пытаясь успокоиться. К щекам приливал густой румянец. Сразу видно, кому в семье достался пламенный восточный темперамент — уж точно не старшей из близняшек.

Наконец Скотт наскреб достаточно выдержки, сделал еще один глубокий вдох и принялся рассказывать о том, что произошло с ним и его сестрой в последние несколько часов. Судя по этому сбивчивому рассказу, некий неведомый злоумышленник подставил Джемму, подбросив в лабораторию несколько пакетов с «забвением». Теперь какой-то громила-следователь со звучной фамилией Берг обвиняет ее в преступлении, которое она — разумеется — не совершала. Любого, кто знал Джемму Райдер или хотя бы слышал о ней, это навело бы на мысли о неудачном розыгрыше или газетной утке. Первопроходец втайне распространяет наркотики на Кадаре, подумать только! Броский заголовок для второсортного новостного сайта, где не публикуют ничего, кроме отборнейшей чуши. Джемма была способна на преступление не больше, чем Кима — на достойную партию в покер.

Однако Скотт говорил серьезно и, пожалуй, даже перегибал палку с драматизмом. Понятное дело, он переживал за сестру, но никто же, в конце концов, не собирался казнить ее с первым лучом солнца или выжигать ей каленым железом лилию на плече. Недолгое заключение на время следствия — невелика беда. А что до обвинений, так Рейеса самого ежедневно обвиняли во всех смертных грехах, начиная с тщеславия и заканчивая прелюбодеянием, и он не жаловался, хотя истине соответствовала в лучшем случае половина обвинений.

Потом Скотт упомянул, какследователь ударил Джемму по лицу, и Рейес помрачнел.

— Я все улажу, — пообещал он, глядя на пляску пурпурных и золотых огней за стеклом.

— С твоей сестрой все будет в порядке.

— Если я узнаю, что ты в этом замешан...

— Не замешан. Пока, Скотт.

Связь прервалась, и голографические всполохи погасли. Рейес некоторое время сидел почти неподвижно: только пальцы барабанили по подлокотнику, отбивая неровный ритм. Вызволить девушку из беды — дело нехитрое и приятное. Пусть Райдер не из тех, кто благодарно рухнет своему спасителю в объятия, и все-таки это замечательная возможность возродить былую дружбу со всеми прилагающимися бонусами (страстными объятиями, язвительными комментариями и запахом лимонных конфеток). Если обвинения не снимут, ей придется распрощаться с громким титулом Первопроходца и образцово-показательной жизнью под прицелом видеокамер. До свидания, благородные принципы. Здравствуй, изгнание. А Кадара — дом большинства изгнанников и личное королевство Рейеса — была хороша не в последнюю очередь именно тем, что мечты его королевского величества тут сбывались, стоило лишь пожелать. Виски? Пожалуйста.

Пуля в чей-то висок? Извольте. Прекрасная принцесса? Так вот же она. Ждут, когда ее спасут из неприступной башни аванпоста.

Но даже королям такое везение сопутствует только в сказках. И за него, как правило, приходится платить.

Рейес поднял взгляд и увидел отражение Кимы в оконном стекле. Тонкая, прозрачная, она походила скорее на призрака, чем на женщину из плоти и крови. Он обернулся.

— Прекрасные новости, разве нет? — безмятежно спросила Кима, переступив порог комнаты. Ее каблуки мягко печатали шаг по начищенной плитке. — Я думала, ты будешь рад.

Притворившись, что не замечает тяжелого взгляда, Кима прошла мимо. Она обогнула стол, на котором стояла забытая вазочка с печеньем, и постучала трубкой по краю замызганного щербатого блюда. На ворох примятых окурков высыпалось несколько щепоток тлеющей трухи. Земной табак — дорогое по меркам Андромеды удовольствие, практически роскошь: его осталось даже меньше, чем кофейных зерен. Кима, однако, могла позволить себе и не такое. Ее желания на Кадаре тоже исполнялись быстро — еще до того, как она успевала облечь их в слова и приказы.

— Зачем ты это сделала?

— Считай это моим подарком, — улыбнулась Кима. — В конце концов, сегодня праздник.

Ах да. Праздник. Не зря же ангара кочуют от одного питейного заведения к другому.

Следовало отдать Киме должное: она хорошо усвоила законы новой Кадары. У нее был прирожденный талант к вранью, как у некоторых бывает талант к музыке или поэзии, и она не стеснялась применять его на практике. Наверное, ни один ее сородич не мог сравниться с ней в умении плести интриги. Кима делала поразительные успехи — под руководством самого опытного и самого требовательного из учителей, понятное дело. Но если она надеялась убедить его в искренности своих дружеских намерений, ей стоило поднатореть в искусстве обмана еще немного.

— Кима, хватит. Не надо вешать мне лапшу на уши.

Кима ответила не сразу: то ли ее переводчик не сумел обработать поговорку, то ли она на ходу меняла стратегию.

— Твоя привязанность к этой девушке трогательна, но право на привязанности есть только у контрабандиста Рейеса Видаля, — наконец произнесла она, так и не повернувшись к нему. — У Шарлатана его нет. Ты совершил ошибку. Я ее исправила.

— А, лекция о чувстве долга. Отлично. У тебя, часом, не припасена на этот случай какая-нибудь поучительная история? Очередная мудрая сказка из ангаранского фольклора?

Выходит, в глазах Кимы он безнадежно влюбленный дурак, которому следует преподавать

урок. Нелестное же мнение она составила о своем сообщнике! Разумеется, Рейес позволял себе определенные слабости. Более того, он не собирался от них отказываться, что бы ни думала Кима. Какой прок называть себя королем Кадары, если не можешь хоть изредка пестовать свои и без того немногочисленные добродетели?

— Нужно было избавиться от Райдера, а не отпускать его, — спокойно продолжила Кима. Ох, этот ее выверенный менторский тон... Для полноты картины только хлыста в руке не хватает. — Я предупреждала тебя, Рейес. Я говорила тебе, что он вернется и приведет с собой ищеек из Инициативы. Но ты решил, что знаешь лучше. Или ты искренне полагаешь, что твое обаяние сильнее, чем его чувство долга?

— Я не идиот. Если бы я считал, что он побежит доносить начальству...

— Ну, — пожал плечами Кима, — теперь он точно этого не сделает. Его сестра слишком глубоко увязла в деле с «забвением». Если он будет давать показания против нас, то навредит ей. Если расскажет про свою маленькую вылазку в Драуллир — навредит себе. Слишком многое придется объяснять.

Тут Кима была права, ничего не скажешь. Если тупица следователь считает, что Джемма работает на Коллектив, ее братцу лучше держать язык за зубами. Неразумно будет делиться воспоминаниями о том, как он гостил в Драуллире и пил с Шарлатаном на брудершафт.

— Я позаботилась о том, чтобы улики выглядели убедительно. Даже ты поверил бы... Хотя тебе, по-моему, больше всех нравится считать ее чистосердечной и бескорыстной героиней вашего народа. Что, скажешь, не так?

— Давай не будем превращать наш разговор в домашний сеанс психотерапии. Мы сейчас о тебе и твоём гениальном плане, о блистательная Кима Доргун.

— Не волнуйся, мой план достаточно хорош. Для тех, кто усомнится, у меня найдется несколько свидетелей, готовых рассказать, что покупали «забвение» у нее с рук. А доктор Накамото так признателен нам с тобой за помощь с клиникой, что даст любые показания, которые я попрошу. Не все люди такие неблагодарные, как ты, мой дорогой друг.

Ах, Кима, Кима. Один ход, одна уловка — и она не только преподнесла своему дорогому другу Шарлатану прекрасный подарок, который он не решался попросить у Санты на Рождество, но и заодно напомнила, что ее место — отнюдь не на фальшивом троне в сердце Порт-Кадары. Нет, Кима всегда была на одной ступени с ним — настолько близко, чтобы в любой момент накинуть удавку или дернуть поводок. К счастью, это работало в обе стороны. У Рейеса имелись точно такие же возможности, точно такая же власть над ней и такой же набор удавок.

Вот почему они всегда работали как дружная, сплоченная команда.

— Больше не действуй за моей спиной, Кима. Вдруг я подумаю, что ты метишь на мое место.

Ангара подошла достаточно близко, чтобы положить ему руку на плечо. Улыбнулась. Наверное, так же ласково она улыбалась своим двенадцати братьям, если они по глупости съедали весь пирог, забывая оставить ей кусочек.

— Было бы проще устроить государственный переворот, чем тебя образумить. Но я решила попробовать. Мы все-таки друзья.

— Черт тебя побери... И что я, по-твоему, должен теперь делать?

Кима положила ему на плечо вторую руку и наклонилась так низко, что он разглядел золотые искорки в неестественно больших, распахнутых глазах. От нее пахло пряными бальзамами и маслами, которыми ангара щедро питают кожу, и только от пальцев исходил слабый аромат хорошей кубинской сигары — недавно распотрошенной и утрамбованной в курительную трубку.

— Побудь благородным еще немного, если тебе это так нравится. Поиграй в героя, заполучи свою женщину, насладись этой маленькой победой...

— Вот уж спасибо, что разрешила.

— Но главное — найди наконец ту дрянь, которая торгует нашим с тобой «забвением».